

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 39

1985

Алексей ГОЛИКОВ

**ПОДАРОК
ДЕДА МОРОЗА**

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 39

Алексей ГОЛИКОВ

ПОДАРОК ДЕДА МОРОЗА

Рассказы и очерки

Москва. Издательство «ПРАВДА».
1985

Алексей ГОЛИКОВ

Алексей Николаевич Голиков родился в Ленинграде. Во время войны служил в авиации, участвовал в боях. После войны поступил в Литературный институт имени А. М. Горького. В своих рассказах и очерках пишет о людях военной и гражданской авиации, о космонавтах.

В журнале «Огонек» работает с 1958 года, в качестве корреспондента журнала побывал во многих странах Европы, Азии, Африки и Америки.

АНТОНИИ И КЛЕОПАТРА

Рассказ

С наступлением темноты немцы прекратили атаки. Стрельба утихла. Только по переправе через Волгу изредка, на ощупь бил фашистский шестиствольный миномет. В Сталинград я прибыл из штурмового авиационного полка для уточнения целей на участке обороны стрелковой дивизии пограничных войск. Обескровленная тяжелыми боями дивизия с превеликим трудом сдерживала натиск противника.

В штабной землянке, недавно вырытой под прикрытием волжского берега, еще чувствовался смолистый аромат свежерубленых бревен, несмотря на кислый дух влажных шинелей и уже застоявшегося табачного дыма. Я прикорнул на деревянном топчане, возле печки, сделанной из железной бочки. Девушка-солдат, видимо, из писарей, кипятила на печке чайник. У нее из-под пилотки смешно торчали две коротенькие косички, а на груди блестела медаль «За отвагу».

Посреди землянки за столом склонились над картой командир дивизии полковник Сараев и комиссар Кузнецов. Оба немолодые, сухощавые, подтянутые, кадровые военные с орденами, полученными еще в гражданскую.

— Хоть потери у нас большие, но за день нигде не попятились,— по-волжски окая, говорил полковник.

— А куда пятиться? Спиной-то к Волге-матушке прислонились,— отвечал комиссар.— Завтра опять танки двинет, а противотанковых средств в дивизии едва треть осталась. Если не считать бутылок с горючей смесью.

— Бутылки, бутылки! — вздохнул полковник.— Мне сегодня один солдат говорит: «С такой пол-литрой пехотинцу против танка, конечно, все не с голыми руками. Но если по серьезному воевать, то пушки надо». Ох, прав солдатик! Нам бы сейчас с тобой, комиссар, истребительный противотанковый артиллерийский полк. Ну, это, конечно, из области фантазии, а вот одну батарею обещали из-за Волги прислать. Жду ее как манны небесной. Адъютант на переправе встречает: вот-вот прибудет.

Послышался гудок парохода, и полковник торжественно поднял руку: они, артиллеристы!

Действительно, скоро дверь отворилась, пахнуло речной сыростью, и в землянку вошли адъютант и младший лейтенант в новой, еще не обмятой шинели, скрипящих ремнях и стальной каске, надвинутой на глаза. Полковник, радостно улыбаясь, поднялся навстречу:

— Наконец-то, долгожданные...

Младший лейтенант остановился, не доходя до полковника два шага, как положено по уставу, и приложил руку к каске:

— Специальный отряд собак — истребителей танков прибыл в ваше распоряжение. Командир отряда младший лейтенант Покровский.

Радостная улыбка сползла с лица командира дивизии:

— Какой отряд собак? А где же батарея? Мне командование обещало прислать противотанковые средства!..

— Мой отряд и есть противотанковое средство, — не отрывая руки от каски, отвечал младший лейтенант.

— Василий Иванович, ты слышал, что он сказал? — обратился полковник к своему комиссару. — Завтра у немецких танкистов черный день: всех уничтожим. А если нам еще Дурова с морскими львами пришлют... нет, лучше слонов, боевых слонов с золочеными бивнями, как у Гамилькара, и — вперед на Берлин!..

— Подожди, Петр Сергеевич, не огорчайся, — утешал полковника комиссар, — я слышал, под Москвой дрессированные собаки против танков успешно действовали. Да и все равно нам с тобой придется воевать теми средствами, которые прислали. Других-то, видимо, нет.

— Видимо, нет, — устало согласился полковник; поздоровался с младшим лейтенантом, попросил подождать, пока найдет подходящее место в обороне для действий специального отряда, и предложил выпить чаю.

Младший лейтенант подошел к печке, снял каску, которая придавала ему мужественный вид, и превратился в совсем юного паренька, румяного, голубоглазого, с ямочкой на подбородке. Девушка-солдат пододвинула табуретку.

— Благодарю вас, — сказал он и сел.

Затылок у него был кудрявый, а ниже, на шее, темнела глубокая, как бывает у детей, ложбинка. Чай он пил с удовольствием, усердно дул в жестяную кружку, смешно оттопыривая пухлые безусые губы.

— Товарищ младший лейтенант, как же ваши собаки танки уничтожают? — спросила девушка.

— Минами. Собаке к спине прикрепляем противотанковую мину с торчащей вверх длинной палочкой-взрывателем. Когда танк подойдет поближе, выпускаем собаку из окопа. Она бросается под танк, старается проползти у него под днищем, задевает взрывателем, и... готово!

— Трудно, наверное, собак к этому приучить?

— Нет! Просто вырабатываем у животного условный рефлекс согласно учению великого физиолога Павлова. Сначала голодную собаку приучаем находить мясо под днищем танка. На первых занятиях танк с работающим двигателем стоит на месте. На следующем — тихонько движется. Потом движется быстрее и стреляет. Так постепенно животное становится грозным оружием. Девушка, а как вас зовут? — спросил вдруг младший лейтенант, покосившись в сторону полковника и комиссара.

— Клёпой,— смущаясь, ответила та.— Это уменьшительное от Клеопатры, уж такое плохое имя.

— Совсем нет — прекрасное. Клеопатрой звали царицу Древнего Египта. Она любила римского полководца Марка Антония. И представляете, какое совпадение: я — Антоний. Что, не верите? — Он улыбнулся.— Меня так папа назвал. Он был историком и, вероятно, думал, что я отличусь на войне. Но Антонием он меня звал только в торжественных случаях или когда бранил за шалости. А обычно Тосей, и в школе все так звали. И вы так зовите, хорошо?

— Вы очень ученый, товарищ младший лейтенант,— сказала девушка,— все знаете, а я только семилетку кончила.

— Ну, какой я ученый, лишь мечтаю стать натуралистом. Очень люблю животных. С шестого класса занимался в кружке юннатов при Московском зоопарке. Когда в комсомол меня принимали, ребята в классе еще сомневались: можно ли это общественной работой считать? А значок «Юный натуралист» с собой на войну взял.

— Египетская Клеопатра была красивая? — вдруг спросила Клёпа.

Ответа я не расслышал — заснул, но почти сразу проснулся от низкого прерывистого гула немецких бомбардировщиков, яростной стрельбы зениток с того берега, тяжелых разрывов авиабомб. Гул самолетов приближался. Как всегда, отбомбив позиции дальнбойных батарей за Волгой, они шли к нам. А потом противный вой будто на голову падающей бомбы поглотил все остальные звуки в мире. Он сжимал сердце, перехватывал дыхание, давил, расплющивал. Бомба упала близко. Нечеловеческая сила потрянула землянку, света не стало, с потолка струйками потек песок, дверь слетела с петель, и стали видны черная осенняя Волга и над ней, словно белые луны, плывущие под парашютами осветительные бомбы, и рассекающие небо косые лучи прожекторов, и красные бусинки зенитных снарядов, точно догоняющие в воздухе друг друга.

В землянке все привычно оставались на своих местах, и только Антоний, закрыв лицо руками, уткнулся в колени девушки-солдата. Еще несколько бомб упало близко, но не так близко, как первая, и налет кончился. Дверь навесили, на столе полковника зажгли светильник, сделанный из гильзы малокалиберного зенитного снаря-

да. Его тусклый свет едва доходил до печки. В полумраке младший лейтенант держал Клеопатру за руку и со слезами в голосе говорил, что он жалкий трус, что вот она, девушка, не испугалась, а он...

— Нет, ты смелый,— утешила его Клеопатра.— Поверь, когда чуть бомба в землянку не угодила, все испугались: и полковник, и комиссар, и у меня душа в пятки ушла. Только никто вида не показал. К этому привыкнуть надо. Вон капитан Булочкин, из оперативного отдела, первый раз под бомбежку попал здесь же, в землянке, так с перепугу залез под топчан, на котором сейчас летчик лежит. А через два дня батальон в контратаку поднял, комбата-то убили. Ты, Тосенька, не переживай. Да никто на тебя и не смотрел и не видел ничего.

Когда электрическая лампочка, дважды мигнув, снова загорелась, полковник подошел к столу младшего лейтенанта.

— Со своим отрядом будешь действовать в составе полка майора Иванова. Это почти прямо перед моим КП. Адъютант проводит до места. Рассчитываем, что танковый удар по этому полку будет наименьший. Но танки пойдут, и у Иванова против этих танков будет только твой отряд. Стоять должен насмерть. Вот, собственно, все. Остальное уточнишь на месте. Если вопросов нет, выполняй!

У командира специального отряда вопросов не оказалось. Полковник и комиссар пожали ему руку, пожелали боевых успехов, и младший лейтенант повернулся налево кругом. Когда дверь за ним закрылась, полковник тяжело вздохнул:

— До чего горько вот такого мальчика с собаками на фашистские танки посылать.

— А кому не горько,— ответил комиссар,— всем горько, да воевать надо.

...На другое утро рассвет наступал медленно, словно нехотя. От Волги поднимался плотный туман. Смешиваясь с дымом пожарищ, он становился полосатым: то светлым, то темным — и, точно пологом, прикрывал поле боя. Немцы атаквали фланги дивизии, а в центре, где держал оборону полк майора Иванова и где находился я, лишь постреливали снайперы да изредка рвались мины.

Здесь же изготовился к бою и специальный отряд собак. Немолодой рыжеусый солдат-проводник сделал в стенке окопа площадочку для своего черною кудлатого барбоса по кличке Казбек. Антоний укрепил на спине собаки противотанковую мину.

К Антонию подошел пехотинец с винтовкой за плечами, в испачканной глиной шинели. У него из-под пилотки белел бинт с темными пятнами крови.

— Разрешите обратиться, товарищ младший лейтенант,— сказал он, пряча в глазах хитрую усмешку — Хочу спросить: нешто ваши собачки немецкие танки одолеют? Нам командир сказывал, что ноне война моторов. Так собачки супротив танков — достижение науки или пережиток?

— Собаки — истребители танков — грозное оружие, — покраснел от досады Антоний.

— Да вы не обижайтесь, товарищ младший лейтенант, что пехота сумлевется, — посерьезнел солдат. — Танки-то на нас пойдут.

— Пока жив, ни один танк здесь не пройдет. Честное комсомольское! — воскликнул Антоний.

— Ну раз так, то пехота на вас надежду будет иметь, — ответил солдат и зашагал по ходу сообщения.

В низинах еще курился туман, а небо постепенно прояснялось. Я уже хотел связаться со своим полком, как земля перед окопом вздыбилась в оранжевой вспышке. Тугой горячий воздух ударил в лицо, перехватил дыхание, швырнул на дно окопа. Я прижался к влажной глине и при каждом разрыве снаряда прижимался к ней все крепче, стараясь стать маленьким, плоским, незаметным.

Наконец обстрел кончился. Наступила тишина. В горле першило от едкого запаха взрывчатки. Рыжеусый солдат лежал убитый, наполовину засыпанный землей. Антоний с окровавленной щекой — видимо, задело осколком — держал за ошейник Казбека, гладил его, успокаивал. Вдруг собака насторожилась. Со стороны противника наплывал рокот танковых моторов. Он становился все явственнее, все громче.

Три немецких танка словно выплыли из тумана, прикрывающего небольшую лоцинку. Два вырвались вперед, а третий, что шел прямо на нас, приотстал. Вслед за танками бежала немецкая пехота... И наши полуразрушенные окопы ожили. Сначала редко защелкали винтовочные выстрелы, потом заработал один станковый пулемет, потом другой, отсекая пехоту от танков, прижимая ее к земле.

Пехота залегла, а танки все шли. Их неуязвимость вселяла чувство беспомощности, обреченности... Вдруг под одним сверкнуло пламя, тяжело охнул взрыв. Танк развернулся, показав на борту черный крест, и замер на месте... Вслед за ним взорвался второй. Над нашими окопами прокатилось «Ура!»

— Это мой отряд действует! — крикнул Антоний.

Он посадил собаку на открытую в стенке окопа площадку так, что голова животного высывалась из-за бруствера.

— Танки, танки, — говорил Антоний.

Собака увидела танк, вся напряглась, стала рваться вперед. Но Антоний не спешил. Он действовал хладнокровно, расчетливо. Только когда танк подошел близко, он выпустил Казбека.

Собака бросилась к танку, но тут же упала, сраженная пулей. А танк надвигался на нас — грозный, неумолимый. Из его длинной, с тяжелым наддульником пушки с грохотом вырывались желтые языки пламени. Казалось, стальная громадина закрыла полнеба. Уже ясно были видны тускло блестящие траки его гусениц с желтой волжской глиной в пазах. И тут Антоний одним махом выскочил из окопа,

схватил убитую собаку, прижал к себе и бросился под эти тускло блестящие гусеницы. После взрыва танк остановился и загорелся, обдавая наш окоп жаром.

...В тот день на участке полка майора Иванова танковых атак больше не было. А когда с заходом солнца бой утих, я собрался за Волгу: получил приказание вернуться в полк. По пути на переправу заглянул в штабную землянку. Здесь, как и вчера, жарко горела печка, и на ней Клеопатра кипятила чайник. Полковник Сараев сидел за столом над картой. Вошел комиссар с рукой на перевязи.

Полковник сначала сказал, что их дивизия опять нигде не появилась и что ночью обещали прислать крупное пополнение. Потом спросил, где комиссара ранило и цела ли кость.

Комиссар ответил, что ранение пустяковое, задело осколком в полку у Иванова. Затем добавил, что специальный отряд собак — истребителей танков тоже понес большие потери, но боевую задачу выполнил. Рассказал, как командир отряда лично уничтожил последний танк.

— Фамилия-то этого младшего лейтенанта как? — спросил полковник.

— Кажется, Покровский, — ответил комиссар, — к награде будем представлять. Посмертно.

В это время в землянку вошел высокий, широкоплечий артиллерист.

— Истребительный противотанковый полк прибыл в ваше распоряжение. Командир полка майор Петров, — доложил он командиру дивизии.

Полковник Сараев, радостно улыбаясь, жал ему руку, а Клеопатра тихонько всхлипывала. У нее на гимнастерке, рядом с медалью «За отвагу», был приколот значок «Юный натуралист».

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Рассказ

Деревеньки Боры Большие и Боры Малые утонули в снегу почти по самые крыши. Между ними — летное поле. Его каждый день утрамбовывают тракторы большими, тяжелыми катками. Вдалеке, за полем, синее зубчатая стена леса. Сюда после месяца ожесточенных боев перебазировали то, что осталось от нашего истребительного полка. Мы по-прежнему входим в состав боевой авиации Западного фронта, хотя в полку не осталось ни одного пригодного к полетам самолета.

В день прибытия, видимо, ожидая полк в полном составе, в летной столовой работники БАО — батальона аэродромного обслуживания — приготовили торжественную встречу. На столиках, накрытых белоснежными скатертями, в стеклянных вазочках зеленели еловые и сосновые веточки. На красной материи были написаны слова приветствия воинам нашего истребительного полка, пожелания новых побед над фашистскими стервятниками.

Мы, три рядовых летчика, три младших лейтенанта, уселись за одним столиком и в пустой столовой почувствовали себя одиноко, заново ощутили горечь огромных потерь этого проклятуемого месяца. Саша Нахутин, невысокий, широкоплечий силач из первой эскадрильи, невесело пошутил, что не хватает оркестра.

— Исполнить похоронный марш,— уточнил Аверьян Ржевский, длинный, как вечерняя тень, со светлыми жесткими глазами.

Гостеприимным хозяином к нам подошел начпрод БАО, пожилой интендант, призванный из запаса, с улыбкой сказал:

— Здравствуйте, гордые соколы! Всем ли вы у нас довольны? А где же остальные?

— Там! — Ржевский указал пальцем вверх.

— Неужели еще летают?

— Ангелами. На грешной земле из летчиков полка только мы трое остались. Но это, надо считать, задержка временная, скоро тоже за ними отправимся.

— Какие страшные потери! — Интендант дрогнувшей рукой достал папиросу, закурил. — У меня сын тоже летчик, тоже на фронте. — Сказал и пошел, по-стариковски сутуля спину.

Пообедав, мы до одури парились в деревенской бане, усердно орудовали березовыми вениками. После бани наступило приятное ощущение чистоты и усталости, но нечеловеческое нервное напряжение минувших боев, от которого будто одеревенело сердце, осталось.

На квартире нас разместили в деревеньке Боры Большие. Улегся в удобную постель, раскрыл Блока — однотомник в синем переплете, взятый еще из дома. Его стихи всегда доставляли радость, но на этот раз читать не смог: сразу вспомнил своего друга и командира нашей эскадрильи Сережу Старова. По прибытии в полк я был назначен к нему в пару ведомым летчиком. Он научил меня мужеству, сделал истребителем. Сережа любил играть на баяне, петь, а вот стихи — я пробовал читать ему Блока — не одобрял. Он их просто не понимал. «Ну разве можно так писать: «В степи грустят стога», — говорил он, — и ребенок знает, что стога грустить не могут, они просто стоят».

Его удивило и рассмешило, когда я после первого боевого вылета отказался от фронтowych ста граммов перед обедом. Говорю: «Не пью, может, кто пожелает?» Желавшие, конечно, сразу нашлись, а командир спрашивает: «Может, ты и не куришь?» Отвечаю: «Не курю». Он засмеялся: «Мой ведомый, младший лейтенант не Василий

Кузнецов, а Василиса Прекрасная». И потом, когда был доволен своим ведомым, с улыбкой говорил обо мне в женском роде: «Моя-то Василиса Прекрасная сегодня лихо «мессера» сшибла. Это о первой и пока единственной личной победе, моем, так сказать, звездном часе.

В том последнем бою на нас двоих слишком много навалилось «мессеров». Я прикрывал Сережу, как положено, видел всех противников, но сделать уже ничего не смог. Хорошо, что дрались над своей территорией. Сначала они расправились со мной. От пушечной очереди крыло моего самолета разлетелось на куски. Я выбросился из кабины, чтобы уйти от фрицев, открыл парашют у самой земли. Благополучно приземлился и еще засветло добрался до своего аэродрома. А командир с этого вылета не вернулся.

Захваченный воспоминаниями, я не заметил, как крепко заснул. Среди ночи разбудил посыльный: срочно явиться в штаб полка. Одежда по тревоге, выскочил на крыльцо. В ясном небе висел обледенелый месяц, стужа стояла лютая. В штабе получил приказ немедленно ехать на станцию, куда эвакуировали чьи-то авиаремонтные мастерские. Там готов самолет связи У-2, его надо получить и немедленно перегнать сюда.

Машину мне дали в батальоне аэродромного обслуживания — выдавшую не одну бомбежку полуторку. Ее кузов кое-где посекали осколки, боковые стекла в кабине были выбиты. Водитель, пожилой молчаливый солдат, к дороге успел подготовиться основательно. Позаботился и о сухом пайке, а когда инженер полка дал мне флагу со спиртом, сказал, что теперь по такому морозу в дальний путь мы вполне готовы.

В полдень приехали в районный центр — старинный волжский городок. Остановились на базарной площади с пожарной каланчой и каменными, еще купеческими торговыми рядами. Площадь была безлюдна. Я пошел узнать, как нам лучше ехать дальше, а когда возвратился, то возле машины стояла женщина, закутанная так, что даже глаз не было видно, маленькая щелочка, оставленная платком, заиндевала от дыхания.

— Товарищ младший лейтенант, — сказал шофер, — вот бабушка просит довезти до станции. Кроме нашей, ни одной попутной машины нет.

— Так она у нас в кузове замерзнет.

— А там лежат ватные чехлы для подогрева мотора — инженер мне велел взять.

— Тогда пусть едет, — разрешил я.

— Спасибо, сынок, — сказала бабушка приглушенным голосом.

Я посадил ее в кузов, и шофер хорошенько укрыл ее чехлами.

— Спасибо, сынки, — еще раз поблагодарила она.

За городом дорога все время шла лесом. Мачтовые сосны в лучах морозного солнца выглядели неповторимо прекрасными. Их ветви

алмазно искрились снегом, а могучие стволы казались кованными из бронзы. Но любоваться ими я не мог. Мысли, как по замкнутому кругу, постоянно возвращались к недавним боям, к погибшим товарищам, к Сереже Старову. «Они уже никогда не увидят этой красоты, не почувствуют на щеках обжигающего мороза, их просто нет, и меня тоже скоро, может быть, не станет. На то и война!» — думал я.

Стало смеркаться. В студеном небе зажглись первые, еще неяркие звезды. Сосновый бор кончился, и мы въехали в село. По карте до станции оставалось еще километров сорок, и я решил заночевать здесь. Похоже было что через село войска не проходили, военных не было видно, а значит, помещение найдется и встретят приветливо.

Остановились возле дома под железной крышей, с красивыми резными наличниками, со всеми признаками довоенного достатка. На крыльцо вышла старуха в накинутом на плечи полушубке.

— Заходите, служивые,— пригласила она.— Мои сыны тоже воюют, дом большой, места всем хватит.

Шофер залез в кузов и ссадил мне на руки бабушку. Захватив ее чемодан и наши вещевые мешки, он пошел за хозяйкой в дом, а я отправился в сельсовет узнать, как нам дальше ехать и хороша ли дорога. Подзадержался там, а когда вернулся, то на столе уже кипел пузатый самовар, стоял чугунок с горячей картошкой, на тарелках лежало нарезанное сало, колбаса, селедка — сухой паек, выданный нам начпродом в дорогу. В доме было тепло и уютно. Шофер грелся у печки, а молодая, как мне сначала показалось, совсем юная женщина что-то доставала из чемодана нашей пассажирки.

— Это чемоданчик-то нашей бабушки,— на всякий случай предупредил я.

— А я и есть ваша бабушка,— засмеялась женщина.— Зовут Елена Михайловна, врач, получила назначение в военный госпиталь, вот и добираюсь к новому месту службы. А вы, судя по одежде, летчик?

— Да,— растерялся я,— младший лейтенант Василий Кузнецов.

Сняв летный шлем и меховой комбинезон, внезапно почувствовал, что промерз до костей, что всего знобит. Хозяйка пригласила к столу.

— Товарищ младший лейтенант, про спирточик-то не забудьте,— ошипшим от мороза голосом напомнил шофер.— Сейчас в самый раз согреться.

Разведенный спирт я пил впервые, поперхнулся, закашлялся до слез. Елена Михайловна шутливо постучала меня по загорбку, сказала, что я, видно, еще не научился пить спирт, что это хорошо и что она сама выпила только, чтобы не заболеть — в кузове промерзла, мороз-то ой как пробирал.

Шофер, плотно поужинав, пошел спать и сразу захрапел. Хозяйка, изрядно захмелев, тоже отправилась на покой. За столом мы остались вдвоем с Еленой Михайловной. Я смотрел на ее красивые добрые глаза,

пухлые яркие губы, пышные золотистые волосы и чувствовал, как в моей груди словно что-то оттаивает, словно спадают оковы, в которые я заковал душу, чтобы выдержать нечеловеческое напряжение непрерывных боев, постоянной встречи со смертью... И неожиданно для себя я стал рассказывать то, чего никогда никому не говорил.

Вспомнил, как перед отправкой на фронт посчастливилось на минутку забежать домой к родителям. Прощаясь со мной, мама горько плакала и говорила: «Ты у меня на руках вот такой маленький был, а теперь умирать едешь». А потом дала мне написанную на листочке молитву, с которой папа в первую германскую воевал. Молитва была, видимо, древняя, обороняющая от «меча булатного» и «стрелы каленой».

«Ты комсомолец и в бога не веришь,— сказала мама,— но чтобы моя молитва всегда была с тобой. Это материнский наказ».

Рассказал, каким растерянным и подавленным чувствовал себя, попав на фронт. Недоумевал: где же наша несокрушимая авиационная мощь, о которой нам твердили в училище... Превосходство немцев в самолетах было подавляющим, и даже за малую победу в воздухе приходилось платить большой кровью.

Не утаил, как испугался в первом воздушном бою... и как меня трясло мелкой, противной дрожью, и как с ужасом подумал, что я жалкий трус, и как научился владеть собой, воевать беспощадно, со злостью.

Рассказал о последних боях, о том, как страшно на глазах погибали товарищи и каким опустошенным и потрясенным после этого возвращаешься на свой аэродром и что сейчас в полку нас, летчиков, в живых осталось только трое.

Елена Михайловна глядела на меня задумчиво, грустно, и лицо ее было прекрасно. Никогда в жизни я не видел женщины красивее. Я взял ее маленькую сильную руку, поцеловал в ладонь и стал читать из своего любимого Блока:

Вы предназначены не мне.
Зачем я видел Вас во сне?
Бывает сон — всю ночь один:
Так видит Даму палладин...

— Васенька, сколько вам лет? — прервала меня Елена Михайловна.

— Через два дня исполнится двадцать!

— А мне скоро будет тридцать.

— Какое это имеет значение? Да потом у летчиков год пребывания на фронте считается за три. Так что к концу войны я вам в отцы буду годиться.

— И тем не менее выкиньте эти глупости из головы. Скажите лучше, долго вы пробудете в тылу?

— Вероятно, нет. На днях должно прибыть пополнение, потом поедем получать новые самолеты, облетаем их и... снова на войну.

— Вася, а девушки у вас были?

— В девятом классе ужаживал за Клавой Титовой. В десятом влюбился в Тамару Лапину. После выпускного вечера мы даже целовались в подъезде. А больше серьезных увлечений не было. Уехал в училище, потом война...

— Ну, крылатый донжуан,— засмеялась она,— пора спать. В лампе уже и керосин кончается.

Постель мне была постлана на печке, а ниже, на широкой лежанке, Елене Михайловне. Когда она вышла, я быстро разделся и лег. Возвратившись, Елена Михайловна погасила лампу. В полутьме я видел, как она не торопясь раздевалась. Хотел отвернуться и не мог. Наконец усилием воли закрыл глаза и... мгновенно уснул как убитый.

Проснулся оттого, что мучительно хотелось пить. Стояла глухая ночь. Глядевший в окно месяц серебристым пятном лежал на полу. За перегородкой громко храпел шофер, сладко посапывала хозяйка. Под печкой трещал сверчок. Стал соображать, как бы слезть так, чтобы не разбудить Елену Михайловну. Она лежала на спине и, видимо, крепко спала.

Рассчитывая каждое движение, я спустился к ней на лежанку, а потом, напрягая мышцы, осторожно сошел на пол. Под ногами громко скрипнула половица. Звякнув о ведро ковшом, напился и полез обратно. Поднявшись на лежанку, невольно задержался. Нет, Елена Михайловна не спала. Она лежала все так же на спине и смотрела на меня. Ее широко открытые глаза притягивали к себе, словно черные омуты. Во рту у меня пересохло, кровь застучала в висках. Я осторожно взял ее обнаженную, лежащую поверх одеяла руку, и она руки не отняла...

...Я проснулся, когда наступил скупой зимний рассвет. На столе уже кипел самовар, Леля, как я называл ее теперь, расставляла тарелки. Незаметно, из-под ресниц, любовался ее небольшой, подевичьи стройной и гибкой фигуркой, легкими уверенными движениями и чувствовал себя бесконечно счастливым. Исцезло, будто растаяло, безмерное нервное напряжение минувших дней.

Когда встал, подошел к Леле, поцеловал ее и сказал, что теперь мы муж и жена.

— Боже мой! — удивленно вздохнула она, а потом подтвердила: — Ну, конечно, милый,— и не то грустно, не то лукаво улыбнулась.

— Нам надо как можно скорей расписаться.

— Ну, конечно милый.— И опять так же улыбнулась.

Мне все время хотелось на нее смотреть, коснуться руки, платья. От мысли, что она моя жена, я был счастлив и хотел, чтобы все знали об этом. С улицы вошел шофер. Поднеся руку к ушанке, доложил:

— Товарищ младший лейтенант, машина готова, можно ехать.— И потом уже неофициально добавил: — Ноне на дворе, наоборот, совсем тепло.

Я тут же объявил ему и нашей хозяйке о своем счастье, о том, что мы теперь с Еленой Михайловной муж и жена. Хозяйка от удивления чуть не выронила тарелку, потом сказала:

— Благослови вас бог,— и перекрестила.

Шофер же только крикнул и философски заметил, что во время войны всякое бывает.

Позавтракав, мы отправились дальше. Хозяйка бросила нам в кузов охапку сена, и мы ехали с Лелей, укрывшись ватными чехлами, пахнущими бензином и авиационным маслом. Крепко обняв ее, мечтал, как после войны мы заживем у нас в Ленинграде. Мама будет очень рада, что у сына такая красивая, такая хорошая жена. Будет нянчить внучат. В ответ Леля смеялась и повторяла свое: «Ну, конечно, милый».

Скоро послышалась отдаленная стрельба зениток и тяжелые разрывы авиабомб: немецкая авиация старалась разрушить мост через Волгу, наверное, бомбили и станцию. При подъезде к ней нас остановил патруль. Шофер предъявил документы, сказал, что в кузове младший лейтенант с женой. Мне это было приятно слышать.

На вопрос шофера один солдат ответил, что немец со вчерашнего дня станцию не трогает и все кидает бомбы на мост.

Подъехав к станции, мы с Лелей вышли на платформу. На путях стоял воинский эшелон с прицепленным паровозом, который тяжело отдувался белым паром. У рослого усатого сержанта с красной повязкой на рукаве Леля спросила, где помещается военный комендант.

— В конце перрона, налево, идемте провожу,— ответил он.

— Давай сначала пойдем в загс и распишемся,— придержал я Лелю за локоть.

— Но, ведь если серьезно, то ты обо мне ничего не знаешь.

— Это неважно, я тебя люблю!

— Нет, очень важно! — И пошла вслед за сержантом.

В жарко натопленном помещении комендатуры было накурено, кисло пахло влажными портянками. Несмотря на полдень, под потолком горела электрическая лампочка. Немолодой капитан с болезненным, желтым лицом, зябко поежившись, прочитал Лелино предписание.

— Вам повезло,— сказал он,— эшелон под парами, и можете сразу следовать к месту назначения.— Потом посмотрел на меня и спросил, что нужно летчику. Я ответил, что выполняю служебное задание и провожаю жену. Капитан удивленно поднял брови, потребовал документы. Я предъявил.

— Авиремонтные мастерские недалеко от вокзала, а на проводы жены, — он сделал ударение на этом слове, — времени вам в обреш. — И скомандовал сержанту: — Петров, проводите военврача и посадите в пассажирский вагон, отправление через пять минут.

По скользким ступенькам мы быстро спустились на железнодорожные пути и поспешили к эшелону. Он состоял из товарных вагонов с солдатами и одного пассажирского. На нескольких платформах стояли прикрытые брезентом орудия, а с двух настороженно смотрели в небо счетверенные зенитные пулеметы. Возле них дежурили готовые к бою расчеты.

На подножке пассажирского вагона стояла пожилая проводница, повязанная крест-накрест старым пуховым платком, с флажком в руке. Сержант передал ей приказание военного коменданта.

— Девушка, садитесь, — пригласила проводница. — Сейчас поедем.

— Моя полевая почта 12561, запиши! — в отчаянье крикнул я Леле.

— Так запомню, — ответила она и крепко поцеловала в губы. — Да хранит тебя судьба, милый мальчик, прощай! — И вскочила на подножку.

Паровоз свистнул, вагоны задержались, лязгая буферами, и состав тронулся. Леля помахала мне рукой, еще раз крикнула: «Прощай!..»

ТОРМОЗНЫЕ КОЛОДКИ

Рассказ

Тимофей Иванович приехал на станцию технического обслуживания автомобилей, принадлежащих инвалидам Отечественной войны. Широкоплечий, грузный, он с трудом вылез из машины, оперся на палку и улыбнулся: день складывался на редкость счастливо. Впервых, погода: солнечно, тихо, в морозном воздухе медленно кружатся редкие, легкие снежинки; во-вторых, и это самое главное, на станции оказались тормозные колодки. На его автомобиле их следовало давно заменить, ездить стало опасно, а колодок нигде нет. И вот сегодня утром позвонил на станцию, без всякой надежды, так, на всякий случай, и вдруг отвечают: «Есть, приезжайте». Исправный автомобиль счастье, когда нет одной ноги и другая, тоже раненая, тоже действует плохо.

Тимофей Иванович, постукивая палкой, зашагал к подъезду. Тротуар был расчищен плохо: из-под снега коварно поблескивал ледок. На радостях Тимофей Иванович его не заметил, поскользнулся и упал. Не ушибся, но самому не встать.

— Сейчас поможем! — крикнул, подходя к нему, видимо тоже инвалид, тоже с палочкой. У него были пышные седые усы и шрам на лице. Седоусый стал поднимать Тимофея Ивановича, сам поскользнулся и кувырнулся на него. Прямо — куча мала, оба встать не могут.

— Черти полосатые, — ругался седоусый, — тротуар перед своим подъездом песком посыпать не могут. Ведь не хоккеистов обслуживают!

Скрипнув тормозами, остановился тяжело нагруженный КамАЗ. Из кабины выскочили два парня. Один пошутил:

— Ну, папаша, полежали и хватит, давайте вставать.

Парни подняли ветеранов, предложили проводить до подъезда.

— Спасибо, теперь будем осторожнее, сами дойдем, — поблагодарил Тимофей Иванович.

Помещение станции просторное, светлое. Для клиентов журнальные столики с газетами, мягкие кресла, высокая тумбочка с цветным телевизором. На видном месте выпел, полученный коллективом станции за победу в соревновании. Под выпелом Доска почета с фотографиями передовиков производства. Лица все знакомые. Многие из них ремонтировали автомобиль Тимофея Ивановича. Часть помещения отгорожена полированной стенкой с окошечками. Над каждым надпись: «Касса», «Прием заказов», «Работа с клиентами». Выше вежливое предупреждение: «У нас не курят».

Тимофей Иванович заполнил бланк заказа и подал его в соответствующее окошечко. Молодой человек с модной прической, в кожаном пиджаке отложил газету, которую читал, мельком взглянул на заказ и вернул его:

— Тормозных колодок нет.

— Как нет?! Утром звонил, сказали приезжайте.

— Утром, а сейчас, — бросил взгляд на свои ручные электронные часы, — 13 часов 10 минут.

— Но я же предупредил, что мне далеко ехать. Пойду жаловаться директору.

— Пожалуйста, — без всякого интереса ответил молодой человек, — второй этаж по коридору направо, будет через час.

Подошел с заказом седоусый инвалид. Оказалось, ему тоже нужны тормозные колодки и утром он тоже получил приглашение приехать.

— Пойдем вместе к директору, — предложил он.

На второй этаж поднялись с трудом: лестница крутовата, да и ступеньки высокие, перед кабинетом директора уселись на стулья, стали ждать.

— Большое счастье, что нам дают бесплатно автомобили, — сказал Тимофей Иванович. — Я вот и работать могу. Езжу каждый день в любую погоду, да и по разным делам. А так — калека, привязанный к дому.

— Да, для нашего брата автомобиль — это, можно сказать, жизнь, — отозвался седоусый. — Вот только с ремонтом всегда сложно.

— А делают плохо, — отозвался Тимофей Иванович. — Бывает, снова приезжать приходится. Правда, за доделку денег не берут, но времени тратишь немало, да и нервов тоже.

— Это верно. И еще вот с запчастями худо. Постоянно на станции нет то одного, то другого. Бывает, нужна то совсем копеечная деталь, а без нее не поедешь. Помню, лет пять назад мы тут собрались и написали коллективное письмо в соответствующее учреждение, вроде просьбы или жалобы. Повезли его я и еще двое, натурально, при всех орденах и медалях. Принял нас какой-то большой начальник. Хорошо принял. Письмо прочитал, возмутился: «Как, для машин инвалидов войны нет запчастей?! Автомобиль — ваши ноги...» И стал говорить разные красивые слова. Мол, вы — герои, вы грудью заслонили Отчизну в час ее смертельной опасности, кровь свою пролили в жестокой битве с фашизмом, благодарные потомки этого не забудут, ну и другое в том же роде. А потом как стукнет кулаком по столу: «Всех разую, раздену, а запчасти для машин инвалидов войны будут!»

Мы очень благодарили, ушли довольные, но с запчастями, как сам видишь...

Потом седоусый спросил Тимофея Ивановича, как его ранило.

— В разведке. «Языка» волокли, а на нейтралке меня и прищучило, — ответил Тимофей Иванович и вспомнил заснеженное поле, переходящее в высотку, на которой укрепились немцы. Сбить с высотки их с ходу не удалось, а потом не удалось и не с ходу. Попытки овладеть ею кончались большой кровью. Видимо, противник получил подкрепление. Нужны были о нем свежие сведения, нужно было «языка» брать.

Тимофей Иванович вспомнил, как он, старший сержант, лучший полковой разведчик, сдерживая дыхание (ему казалось, оно слышно за километр), подполз с товарищами вплотную к выдвинутой вперед немецкой пулеметной точке, темный силуэт дерева возле нее, дремлющего стоя у пулемета рослого немца в неформенной меховой шапке, уткнувшего нос в поднятый воротник шинели, и второго... Тот увидел прыгавших в окоп разведчиков, но крикнуть не успел — его мгновенно закололи; вспомнил, как ударил гранатой по голове того, что был в меховой шапке, а когда немец стал падать, подхватил на руки и, словно мешок, вышвырнул из окопа, как уже около своего переднего края, когда пошли в полный рост, радовался, что смертельная опасность миновала, и внезапно ракету в небе, и как от ее бледного света на снегу зашевелились черные тени разведчиков, и яркий блеск недалекого разрыва мины, и тупой, тяжелый удар по ногам...

— А меня так и вовсе глупо, — сказал седоусый. — Я бронебойщиком был, с противотанковым ружьем воевал. Когда стояли в обороне возле деревеньки Полешки, Второй Белорусский фронт, уничтожил «тигра». Танк прямо на меня шел, уже близко, а я не стреляю, думаю, лоб у него толстый, не пробью. Перед моей огневой позицией крутой овражек был, с ручейком на дне. Танк стал его обходить и подставил борт с черным крестом. Я по этому кресту и врзал. Танк встал, а пушку ведет в мою сторону. Я второй раз. Только с третьего выстрела «тигр» задымил, а потом как вспыхнет.

Меня за это к Славе II степени представили, а так как на нашем участке установилось затишье, получить награду отправили в штаб корпуса. Это, по представлению бронебойщиков, уже глубокий тыл. Погода стояла пасмурная. Нас из дивизии награжденных собралось человек сто. Всех построили возле штаба, и сам командир корпуса, генерал, лично стал вручать награды. Только очередь дошла до меня, как из низких облаков вынырнул «юнкерс», бросил бомбу и снова ушел в облака. Бомба-то нас и накрыла. Многих убило, командира корпуса, генерала, что ко мне подошел, тоже, ну а я без ноги остался...

Точно через час пришел Борис Ефимович — директор станции. Среднего роста, по-спортивному подбористый, в кожаной куртке на «молянии», без шапки: мороз на улице не страшен, ездит на своих «Жигулях». Синие глаза смотрят строго. Он весь преисполнен чувства собственного достоинства, сознания своей значимости: бывает, что к нему с просьбой вне очереди отремонтировать автомобиль обращаются и писатели, и артисты, и даже работники универмагов, те, что помельче.

Борис Ефимович всегда вежлив, любую жалобу клиента выслушает не перебивая, старается ее удовлетворить и никогда не повышает голоса. Но умеет держать просителя на должной дистанции, не позволяет никакой, даже самой малой фамильярности. И на Тимофея Ивановича взглянул светло, холодно. Коротко спросил:

— Ко мне?

Затем к седоусому:

— Вы тоже? — Толчком открыл дверь своего кабинета. — Заходите оба.

Кабинет невелик, но уютен. Стены до половины обшиты деревянными панелями, к полированному письменному столу с телефонами буквой «Т» приставлен другой стол подлиннее, тоже полированный. Директор сам не сел, не предложил сесть ветеранам. Обратился к Тимофею Ивановичу:

— Что у вас?

— Да вот утром звонил, сообщили, что есть тормозные колодки, а приехал, говорят — нет. Без машины нам зарез.

— И мне утром сказали, что есть, — добавил седоусый. — Вы уж, пожалуйста, выручите нас.

Директор энергичным движением включил селектор:

— Козлов, у нас ведь есть тормозные колодки, почему отказываете?

— Так вы же сказали, что можно только по вашему личному распоряжению.

Борис Ефимович задумался, прозрачно глядя куда-то поверх голов клиентов, как бы что-то взвешивая в уме.

— Будьте так любезны, не откажите,— робко попросил седоусый. Шрам у него на лице побелел и стал заметнее.

— Да, да, уж пожалуйста, мы очень просим, будем вам очень благодарны,— поддержал его Тимофей Иванович каким-то чужим, внезапно охрипшим голосом.

Борис Ефимович снова включил селектор:

— Козлов, сейчас к вам придут два клиента. Оформите им заказы на замену тормозных колодок.

Тимофей Иванович так и просиял: директор-то оказался парень что надо. И упрасивать себя долго не заставил. Решил сразу, без всякой волокиты. Не зря сесть не предложил. А ведь мог бы и не разрешить: мол, колодки предназначены для тех, кто записался на очередь и оставил открытки, или сказал бы... да, что там, мог бы и не объяснять причину, просто отказать и все... Тут жаловаться некому. То есть надо куда-то, к кому-то ехать, писать, говорить. В общем, мороки будь здоров! Когда же ходишь с трудом, считая шаги, то... Но, слава богу, все кончилось отлично.

— Спасибо вам большое,— с чувством сказал Тимофей Иванович и в порыве благодарности протянул директору руку, но... Борис Ефимович уж набирал номер телефона и этого жеста не захотел заметить.

Тимофей Иванович мучительно покраснел, сжал свой тяжелый кулак, потом медленно, с видимым усилием опустил руку. Седоусый не мигая смотрел в упор на директора, и шрам на его лице белел все больше, словно становился глубже.

Когда ветераны вышли из директорского кабинета, седоусый мечтательно сказал:

— Врезать бы ему промеж глаз!

— Ох, как бы следовало,— вздохнул Тимофей Иванович,— да я вовремя одумался. Вспомнил оледенелые тротуары, высокие подножки трамваев, автобусов, на которые не можешь подняться... А ведь надо на работу ездить, по городу передвигаться. Машину-то чинить опять сюда, опять к нему.— Тимофей Иванович снова вздохнул.— А на войне-то мы были смелыми парнями.

...Ветераны не знали, что Борис Ефимович работает на этой станции последние дни. Уже подписан приказ о переводе его, тоже директором, на другую, большую, целый комбинат, станцию технического обслуживания автомобилей.

ПОДАРОК ДЕДА МОРОЗА

Рассказ

Отметить годовщину Сталинградской битвы мы собрались, как всегда, у Пети Засорина. Квартира у него просторная — генеральская. Генералом и большим начальником он стал после войны, а тогда, в сорок втором, был, как и все мы, лейтенантом, летчиком.

Лет десять назад на встречах однополчан у него в большой комнате отворяли двери в другую, тоже немалую, составляли пять столов и едва размещались в великой тесноте. Теперь уселись за одним. Последним прибыл Костя Романов. В боях за Будапешт ему прострелили ноги, и он шагал, тяжело опираясь на руку жены, бывшего сержанта роты связи Валентины Павловны, Валюши, — как мы ее называли.

— Вот привела к вам своего гордого сокола, — смеясь, сказала она.

Раньше, и верно, Костя был гордым соколом. Стройный, синеглазый, златокудрый, летал прекрасно, воевал дерзко, расчетливо. Я у него в экипаже вторым пилотом был. Валя шутя говорила, что муж — подарок ей от Деда Мороза и что этот подарок ей прямо с неба свалился.

...В канун нового 1943 года наш бомбардировочный полк базировался в небольшой, занесенной снегом деревне. Сразу за ее околицей начиналось летное поле, которое ежедневно тракторы укатывали тяжелыми катками. В разных концах летного поля, рассредоточенные под белыми маскировочными сетями, стояли бомбардировщики. Чуть в стороне, за оврагом, размещалась прикрывающая нас зенитная батарея. Ее выкрашенные белой краской пушки настороженно смотрели в зимнее небо. Отсюда мы летали на Сталинград, а когда армию Паулюса окружили, стали бомбить дивизию Манштейна, идущие ему на помощь.

Настроение в полку было приподнятое — грандиозное поражение немцев под Сталинградом становилось неизбежным. Мы, конечно, слушали сводки Совинформбюро, но, главное, своими глазами видели — танковые армады Манштейна остановлены, его войска отступают, с воздуха хорошо просматривались брошенные в заснеженных степях вереницы разбитых орудий, грузовиков. Особенно хорошо были видны закопченные коробки немецких танков с почерневшим возле них снегом. А их было много, много...

Знали мы и тяжесть своих потерь. Часто к нам в большую избу, где раньше был клуб, а теперь жили летчики, приходил, всегда подтянутый и щеголеватый, адъютант эскадрильи лейтенант Гриша Богомолов. При общем молчании, с нахмуренным лицом, ни на кого не глядя, он забирал личные вещи не вернувшихся с боевого вылета.

Потом с их осиротелых коек уносили спальные принадлежности, и койки стояли обнаженные, своими железными скелетами напоминая нам о горьких утратах.

Война шла своим чередом. Были запланированы боевые вылеты и на 31 декабря. Наш экипаж получил задание бомбить железнодорожную станцию в тылу врага. Погода стояла пасмурная, но морозная. Шли к машинам, и снег громко скрипел под унтами. Костя нес с собой гитару. Он прекрасно пел, играл и с гитарой никогда не расставался, даже брал с собой в самолет, прятал за бронеспинку. Говорил, что гитара при всех обстоятельствах может пригодиться.

— Даже, если тебя собьют? — спрашивали его.

— Ну, что ж! Буду падать с музыкой, — шутил он в ответ.

Предновогодний вылет экипажа сложился неудачно: наш самолет подбили зенитки. Линию фронта мы перетянули на одном моторе. Потом и тот отказал. А внизу — заснеженные овраги, обнаженные ветром бугры... Но чуть подальше — о счастье! — точно по курсу небольшая, совершенно ровная площадка. Не выпускай шасси, «на брюхо» посадить машину можно. И, теряя и без того малую высоту, Костя потянул к этой площадке. И тут мы увидели человека. Он стоял как раз там, где самолет должен был приземлиться. Мы уже видели, что это солдат. Понимая, что его может убить, Костя в последний момент взял штурвал на себя. К счастью, самолет послушался. Он чуть приподнялся, потом плюхнулся в снег и заскользил, вспарывая целину, нагребая перед собой сугроб. Посадка удалась, никто из экипажа не пострадал.

Выскочили из самолета, смотрим: что с солдатом? А тот распластался на снегу там, где стоял, и не двигается. Кинулись к нему, поставили на ноги. Слава богу, цел и невредим. Тут Костя в сердцах стал его ругать, не стеснясь в выражениях. Потом спрашивает:

— Что же ты стоял как пень, не мог отбежать в сторону?

— Не могла, я очень испугалась, — ответил солдат, вытирая мокрое от снега лицо.

Тут мы увидели, что это девушка.

— Нельзя так, — смутился Костя, — ведь я бы мог вас убить, такую красивую.

Костя умел быть любезным кавалером.

Солдата звали Валя Акулова. За деревьями размещался узел связи, и она была оттуда. Костя пошел с ней, чтобы сообщить в полк о вынужденной посадке, а экипаж остался у самолета.

Вернулся Костя вместе с начальником узла связи, пожилым старшим лейтенантом, видимо, призванным из запаса. В валенках и полушубке у него был какой-то домашний, совсем невоенный вид, а отвислые усы с сединой делали похожим на доброго пасечника.

— Транспорт за вами пришлют завтра. У самолета выставим охрану, а сейчас пойдемте ко мне, — по-волжски окая, распорядился он.

По дороге старший лейтенант рассказал, что на их участке фронта после ожесточенных боев затишье. Немец уже несколько дней не летает, поэтому он разрешил связисткам встретить Новый год. И, словно оправдываясь, пояснил:

— Тяжело им на фронте. Мужикам тяжело, а девушкам втрое. Обрадовались, как маленькие. С вечера волосы на бумажки накрутили и сегодня все завитые. С утра форму нагладили и получили подарки от труженников тыла: кисеты, мужские теплые рукавицы и письма от девушек бойцам. Но все равно остались довольны. Говорят, что у них будет новогодний бал. Вас, конечно, на этот бал приглашаем. Вот только с харчами неважно. Праздник, а опять привезли надоевшие пшеничный концентрат и соленую треску.

— Приглашение принимаем с благодарностью,— за всех ответил Костя и добавил: — Вот моя гитара и пригодится.

В назначенный час мы прибыли на бал. Связистки жили в кирпичном доме, половину которого начисто разрушила бомба. Но другая половина каким-то чудом осталась целехонькой. Поднялась метель, и мы, запорошенные снегом, через обитую клеенкой дверь вместе с клубами морозного пара вошли в просторную кухню. Было тепло. Топилась плита, на ней в солдатских котелках подогревалось новогоднее угощение — пшенная каша с отварной треской. Окна для светомаскировки были завешаны плащ-палатками. В одном протенке висело лопнувшее пополам зеркало, в другом плакат: Чапаев у пулемета. На длинном столе, сбитом из свежеструганых досок и покрытом чистыми простынями, стояли жестяные кружки с фронтowymi ста граммами, лежал черный хлеб, нарезанный тонкими ломтиками.

— Девушки! — сказал Костя. — Нас к вам прислал сам Дед Мороз, чтобы не скучали. — И поставил на стол большую парашютную сумку с аварийным бортовым пайком, взятым с самолета.

Под восторженные «охи» и «ахи» связистки доставали из сумки копченую колбасу, масло, галеты, мясные консервы, сгущенное молоко, плитки шоколада «Золотой ярлык», пакетики с тонизирующими конфетами «кола», объемистую флягу со спиртом. Стол обрел праздничный вид. Рассаживались за него весело, шумно. Командовала «парадом» старшина: девица, крепко сбитая, с властным взглядом и румянцем во всю щеку.

— Нас много, а летчиков мало, — смеялась она, — разделим поровну, чтобы каждой досталось, — и указывала кому где садиться. Возле себя сразу усадила бортмеханика Боря Чубыкина, добродушного, черноглазого силача с густыми, словно тушью наведенными бровями. Как-то на спор он один снял с грузовика и отнес к самолету 200-килограммовую бомбу. Боря сиял и умильно, как кот на сало, поглядывал на старшину: он ценил в девушках монументальность.

Да и все мы были в восторге от своих соседок. Связистки, очень

молоденькие, в кирзовых сапогах с широченными голенищами, в выгоревших, много раз стиранных гимнастерках, в ту новогоднюю ночь были для нас неотразимы и от них чудесно пахло земляничным мылом. Это расстаралась старшина, выпросила к празднику у начальника тыла дивизии.

Бортрадист Юра Ботников торжественно произнес: «Внимание!» — и когда все притихли, начал священнодействовать: разбавлять спирт водой.

— Это будет авиационное шампанское, — с серьезным лицом говорил он, — специально для дам! Райский напиток, ангелам, и то только за ночные полеты, наливают по сто граммов.

Юра до войны был студентом-химиком. Учился на «отлично», готовился стать ученым. Он больше всех в эскадрилье получал писем из дому. Рос без родителей, у бабушки, и та писала ему ежедневно. И в каждом письме просила остерегаться простуды. Юру мы шутя называли Менделеевым и всегда поручали ему разбавлять спирт.

А штурман Веня Севастьянов уже вполголоса читал стихи своим соседкам — пышной блондинке и не менее пышной брюнетке. Он обращался то к одной, то к другой, не зная, которой отдать предпочтение. Веня весь словно кусок пламени: огненно рыжие волосы, рыжие брови, рыжие глаза, рой веснушек на лице и ослепительная белозубая улыбка. Вероятно, и сердце у него было рыжее — горячее, смелое, влюбчивое. Веня любил стихи и сам тайно писал их. Впрочем, об этом знала вся наша эскадрилья. Последнее свое стихотворение он посвятил полковой радистке — Маше «золотые ушки». Так ее звали за отличную работу на ради. Маша была девица видная, избалованная вниманием старших офицеров. Она категорически отвергла стихотворное объяснение в любви. Тогда Веня написал Маше письмо только с одной фразой: «...Пусть жертвенник разбит, огонь еще пылает». Маша опять отвергла. Веня загрустил, сказал, что ему больше не хочется жить, и он будет искать смерть в бою. Но в новогоднюю ночь наш штурман, видимо, уже начисто забыл о «разбитом жертвеннике» и пылко ухаживал за своими соседками.

Бал открыл воздушный стрелок дагестанец Саша Гамзатов.

— Командир, сыграй, пожалуйста, лезгинку, — попросил он Костю, снял меховые унты и в одних носках стал танцевать.

Саша был самым юным среди нас, ему едва исполнилось семнадцать. Он пришел в полк добровольцем воевать вместо отца — нашего командира эскадрильи, погибшего в боях под Москвой. Саша привез с собой большой кавказский кинжал настоящей булатной стали, который подарил дед вместе с наставлением не посрамить в бою его седины.

Стройный и гибкий, юноша всегда двигался очень легко, грациозно. «Ты настоящий джигит», — часто говорили мы ему. «Какой же джигит без кинжала? — смеясь возражал он. — Почему кинжал нельзя, почему отобрали?!»

Саша очень гордился подарком деда. С кавказским кинжалом на поясе он пошел на свой первый боевой вылет. По дороге на аэродром встретил начальника штаба полка майора Калинина. Худой, плоский, как доска, с немигающим взглядом оловянных глаз, майор был строгим педантом.

— Сержант, ко мне! — скомандовал он и скучным, скрипучим голосом, отчетливо выговаривая слова, стал пояснять, что штатным оружием воздушного стрелка является только пистолет «ТТ».

— Сутки ареста, — наложил взыскание майор. — А кинжал убрать, что вы с ним — на газават собрались, что ли?!

— Почему кинжал нельзя! — возмутился потом Саша. — И при чем тут газават, война мусульман за распространение ислама? Я же комсомолец. Мне дедушка подарил свой кинжал, чтобы я им фашистов резал.

Провожая сорок второй и встречая 1943 год, мы пили за окончательный разгром немцев под Сталинградом, говорили, что полная победа над врагом не за горами. Мечтали... Был даже тост за встречу в поверженном Берлине... А войне суждено было длиться еще два с лишним года. Предстояли жестокие кровопролитные бои. И, поднимая тосты, мы не думали, что через неделю воздушный стрелок Саша Гамзатов будет убит в бою с «мессершмиттом», что на Курской дуге погибнет бортмеханик Боря Чубыкин, что в небе Югославии сгорит штурман Веня Севастьянов, а наш Менделеев — Юра Ботников скончается в госпитале после тяжелого ранения...

Но в ту новогоднюю ночь мы были веселы, счастливы. Пели, танцевали и ухаживали за всеми девушками подряд. Все, кроме Кости Романова. Не дожидаясь указания старшины, он сел возле Вали Акуловой и не отходил от нее. Назвав Валу красивой, Костя, на мой взгляд, преувеличил. Девушка была обыкновенная: худенькая, чуть курносая, волосы черные, как вороново крыло. Вот глаза действительно хороши: большие, светлые, а ресницы длинные, словно стрелы. На фронт пошла добровольцем с первого курса Московского университета.

Наш командир всегда пользовался у девушек большим успехом. В летной столовой все официантки были к нему неравнодушны, даже гордая и суровая Аня Серова, которая ежедневно наливала нам фронтовые сто граммов. Наш полк входил в состав авиации дальнего действия, сокращенно АДД. Полковые остряки расшифровывали это сокращение как слезную мольбу: «Аня, дай добавки». Однако у Ани, как они же говорили, было золотое сердце, но в гранитной оправе — добавки никто не получал. Кроме Кости Романова. Нет, он не просил. Просто подставлял стакан, смотрел на Аню ярко-синими глазами и говорил: «Девушка красивая!» — Потом вздыхал и добавлял: — «Я бы сказал — очень красивая». В ответ Аня неизменно ласково улыбалась и наливала чуть больше нормы. Впрочем, для Кости это была скорее игра. В пьяницах он никогда не числился.

Перед началом Сталинградской битвы нам посчастливилось три дня прожить в тыловом городе: на заводе меняли моторы у нашего самолета. Разок сходили в клуб на танцы. Костя, конечно, оказался лучшим танцором, неотразимым кавалером. Приглашая на танец, небрежно говорил: «Осчастливьте солдата», — и девушки млели. Костя знал себе цену, относился к ним свысока.

Но в новогоднюю ночь нашего командира словно подменили. Он пел, играл на гитаре только для Вали, танцевал только с ней и смотрел на нее робко, преданно, нежно. Валя тоже не отрывала от него глаз. Казалось, они видели только друг друга. Никого не слушали, отвечали невпопад. Потом, взявшись за руки, стояли у окна. Метель кончилась, прояснило, чуть отодвинув светомаскировку, они смотрели на холодный месяц, на колючие морозные звезды. И лица у них были просветленные, счастливые.

На другой день за нами прибыл штабной автобус в белых пятнах камуфляжа. Небо опять было в тучах, падал крупный снег. Связистки вышли проводить. И снова Костя и Валя вели себя так, будто они одни во Вселенной. Костя взял Валю за руки.

— Вся моя жизнь без остатка принадлежит тебе, — сказал он.

Валя приподнялась на цыпочки и поцеловала его в губы.

...Когда кончилась война, Валя приехала в госпиталь и забрала тяжелораненого Костю. С тех пор они не разлучались. Их младший внук, маленький Костя, с ярко синими глазами, твердо верит, что его любимого дедушку Дед Мороз подарил его любимой бабушке в одну военную новогоднюю ночь.

«А Я ОСТАНУСЬ ВЕЧНО МОЛОД...»

На подводной лодке «М-81», погибшей в самом начале войны, был найден короткий дневник секретаря комсомольской организации, старшины второй статьи Павла Волкова. Дневник заканчивался четверостишием:

...В столбах огня дай полный
ход,
Дай устремление торпеде.
Таким в боях идет к победе
Моряк, чья жизнь и сердце —
флот.

Это строки поэта Алексея Лебедева, который и сам также шел к победе и, как и автор дневника, погиб в морской пучине.

Жизнь и сердце поэта принадлежали Военно-Морскому Флоту. Он писал о боевых кораблях, о морских походах с бурями и штормами,

о морских традициях и о верности флотскому флагу, о чести моряка, о суровых законах морского братства. До войны вышли книги поэта: «Кронштадт», «Лирика моря», позднее «Огненный вымпел», «Родному флоту» и другие. В городах Суздаля, Иванове и Кронштадте есть улицы, названные его именем.

Школьные годы Алексея Лебедева прошли на Волге, в Костроме. Среди сверстников он выделялся не только атлетическим сложением, но и большой начитанностью и целеустремленностью. Помню, по математике Алеша занимался плохо. Но лишь до тех пор, пока не решил стать военным моряком. Штурман должен уметь быстро делать навигационные счисления, и математика становится любимым предметом будущего поэта. Позднее, придя по путевке комсомола служить на флот, он организовал в части кружок по повышению общеобразовательной подготовки матросов и сам преподавал математику.

Стихи Алеша начал писать еще в школе, а потом в Иванове, куда переехала семья Лебедевых. Но то были стихи ученические, незрелые. По-настоящему голос поэта окреп на Балтике, в Ленинграде. Алексей Лебедев сначала служил в Кронштадте, потом поступил в Высшее военно-морское Краснознаменное училище имени М. В. Фрунзе. В ту пору я тоже жил в Ленинграде, и наша школьная дружба возобновилась.

Алеша часто сетовал, что учеба поглощает много времени и на занятия поэзией его почти не остается. Тем не менее занимался он ею серьезно. Его стихи стали появляться в журнале «Краснофлотец», в ленинградских журналах. А в 1939 году вышла первая книжка — «Кронштадт». В нашей литературе появился новый самобытный поэт.

Во время финской кампании курсант Алексей Лебедев впервые «поножал пороха». Он участвовал в боевом походе на эсминце. Стихи, написанные в боевой обстановке, посвящались славному русскому флотоводцу адмиралу Нахимову. Я услышал их в майские дни 1941 года. На Неве расцвеченные флагами стояли военные корабли, а на набережной шумело народное гулянье. Выступали артисты, поэты. Читал свои стихи и Алексей Лебедев. Он читал по-особому, слегка картавя, сопровождая слова скупыми жестами, с зажатой в руке трубкой, которую любил курить.

Алексей Лебедев окончил училище и стал лейтенантом, когда наша страна уже стояла на пороге самой большой, самой тяжелой и кровавой войны. До первых ее раскатов оставались считанные дни. Тогда командующий Краснознаменным Балтийским флотом был адмирал Владимир Филиппович Трибуц. В своей книге он вспоминает: «...Произведения Алексея Лебедева меня волновали, и я подумал, нельзя ли как-нибудь побереечь поэта? И все-таки я понял, что оскорблю молодого лейтенанта, если не подпишу приказ о его назначении штурманом подводного минзага».

Адмирал не ошибся. Помню нашу последнюю, очень короткую встречу 23 июня 1941 года. Подводная лодка «Л-2», на которую был

назначен штурманом Алексей Лебедев, стояла уже готовая к походу.

— Ты же поэт,— сказал я Алеше.— Во время войны своими стихами принесешь большую пользу Родине.

— Прежде всего,— ответил он,— я моряк, подводник. Не сражаться самому и призывать сражаться других для меня невозможно.

В самые тяжелые первые месяцы войны, когда враг стоял под Москвой, блокировал Ленинград, Алексей Лебедев писал:

Настанет день когда-нибудь,
И кровь врага зальет пожары,
И о победе пропоют
В боях пробитые фанфары...

В те дни его стихи прежде всего публиковались в маленькой газете балтийских подводников «Дозор». Они выходили рядом с сообщениями о положении на фронте, с заметками о подвигах балтийцев. Писать поэту приходилось урывками, часто после тяжелой вахты. Одно стихотворение Лебедева с названием «Алексею» поэт написал на обложке своей книжки «Кронштадт» 14 октября 1941 года. Книжка была найдена в комнате береговой базы охраны Водного района, в которой жил друг поэта штурман тральщика Алексей Забрежнев, погибший весной 1942 года. В стихотворении есть такие строки:

...Но тебе до конца все
понятно,
Будем жить и надеяться, друг,
Снова видеть закатные пятна,
Снова грызть почерневший
чубук.
И в предзимье иль в синем
апреле
(Будем значиться
в списках — живой)
Золотое барокко Растрелли
Мы увидим опять над Невой.

Из осажденного Ленинграда 29 ноября 1941 года поэт писал матери Людмиле Владимировне Лебедевой: «Дорогая и милая моя мама! Когда ты получишь это письмо я буду далеко в море... Не смущайся, если даже до половины декабря не будешь иметь обо мне известий. Не закрываю глаза на то, что поход будет серьезным и не лишены опасностей, но надеюсь, что все будет в порядке.

Дней пять-шесть налетов не было, а сейчас, гады, опять летают и бомбят. Вглядываюсь в город, особо прекрасный в своей трагической красоте. Сейчас в милую, осеннюю пору особенно чувствуешь, как хороша жизнь, как кратковременна она, как бессмысленно уничтоже-

ние на войне всего лучшего, что вырастило и сделало человечество, и вместе с тем выход только один: драться, драться и драться, только огнем, только сталью, только тремя жизнями за жизнь можно сломить орды этой дегенеративной и безумной сволочи, идущей на нас. На этом стою. Не говорю «прощай», светлая моя мама, сто раз целую милые твои руки, серебряные волосы, глаза и губы.

Ничто еще не потеряно, если надежда не покидает сердце и руки держат оружие. И теперь вот, накануне самого серьезного из походов, сделанных мной, я не раскаиваюсь в том, что выбрал себе военноморскую профессию, она отвечает моему характеру... Твердо верю, что мы победим».

Однако это письмо оказалось прощальным, последним, которое написал сын матери. В ноябре 1941 года подводная лодка, на которой служил лейтенант Алексей Лебедев, не вернулась из боевого похода. Прощальным оказалось и стихотворение поэта, адресованное жене.

...Не плачь, мы жили
жизнью смелой,
Умели храбро умирать, —
Ты на штабной бумаге белой
Об этом можешь прочитать.

Переживи внезапный холод.
Полгода замуж не спеши.
А я останусь вечно молод
Там, в тайниках твоей души.

А если сын родится вскоре,
Ему одна стезя и цель,
Ему одна дорога — море,
Моя могила и купель.

ВЫЛЕТ НА ЗАКАТЕ

Адрес на конверте был необычный: Начальнику Аэрофлота — аэродрома, Москва. Обратный адрес написан по-польски: Миколай Куницкий, Замоч Вацулинска, 1-2.

В письме говорилось: «Уважаемый начальник аэродрома! Убедительно прошу Вас разыскать летчика Павлова и вручить ему мое письмо. Летчик Павлов прилетал на территорию Польши 6.VI.1944 года, привез нам боеприпасы, оружие, медикаменты, а забрал у нас раненых польских партизан и четырех английских летчиков, находившихся в нашем отряде.

Мы, польские партизаны, высоко ценили летное мастерство и отвагу советских летчиков. Они оказывали нам неоценимую помощь в борьбе с немецкими захватчиками.

Пусть живет вечно польско-советская дружба, скрепленная кровью в боях с гитлеровцами. Бывший командир польско-советского партизанского отряда

Миколай Куницкий
(Партизанская кличка «Муха»).

...Это письмо нашло адресата — Героя Советского Союза Владимира Федоровича Павлова, одного из лучших летчиков Аэрофлота, летавшего на международных линиях.

Владимир Федорович — участник Великой Отечественной войны, но на врага он не сбросил ни одной бомбы, не сбил ни одного фашистского самолета. Тем не менее в его легкой книжке значится 350 боевых вылетов. Это полеты в тыл врага. Восемьдесят из них с посадкой на крохотные площадки белорусских, польских и югославских партизан. Прошли десятилетия, но ночной полет 6 июня 1944 года на посадочную площадку возле села Гута-Кжешовска он хорошо помнит.

...Солнце село. Облака на западе стали багряными, а на востоке, в потемневшем небе зажглись первые, еще неяркие звезды. На аэродроме Белая Церковь, недалеко от Киева, загудели авиационные моторы: 2-й авиационный транспортный полк, базировавшийся здесь летом 1944 года, начал боевые вылеты. Его невооруженные двухмоторные самолеты под покровом ночи летали далеко за линию фронта к партизанам, забрасывали в глубокий тыл врага разведчиков, диверсионные группы.

В ту ночь получил боевое задание и экипаж командира корабля Владимира Павлова в составе второго пилота Василия Костина, штурмана Дмитрия Лисина, бортмеханика Александра Князькова и бортрадиста Ивана Шевцова.

На территории Польши в Яновских лесах Люблинского воеводства попал в окружение польско-советский партизанский отряд. Партизаны очень нуждались в боеприпасах, оружии, медикаментах. В отряде были и тяжелораненные.

Командир полка Алексей Иванович Семенков приказал вылететь к ним двум самолетам. Одному на тридцать минут раньше, чтобы приземлиться у партизан, разгрузиться, забрать раненых и улететь. Второй, Владимира Павлова, должен был с воздуха сбросить на посадочную площадку упакованный в тюки боевой груз и без посадки возвращаться.

В назначенное время Павлов поднял свой самолет в воздух. Его дальний маршрут был рассчитан так, чтобы и обратный полет проходил под покровом темноты. Днем транспортный самолет над территорией противника наверняка собьют. А июньские ночи короткие...

Линию фронта миновали благополучно. Она ясно обозначалась

вспышками орудийных выстрелов, разрывами снарядов, светящимися строчками трассирующих пуль. А дальше самолет поглотила глухая ночь. Луна пряталась за облаками, а на земле ни огонька, ни единого светлого пятнышка.

Уже около часа самолет шел над территорией противника. Вдруг луна выглянула из-за туч, и Павлов увидел внизу какие-то строения. Летчики пользовались старой картой-десятиверстной, и на ней этот населенный пункт не был обозначен. И почти сразу взметнулись в небо белые лучи прожекторов. Они мертвой хваткой вцепились в самолет. Пилотскую кабину затопил их слепящий свет. Красные бусинки зенитных снарядов потянулись к самолету.

Павлов резко прижал самолет чуть не к самым крышам, уповая, что на пути не попадется костел или другое высокое строение. Риск себя оправдал. Самолет вырвался из цепких объятий прожекторов. Столбы света растерянно заметались по небу. Зенитки продолжали стрелять, но уже не прицельно, наугад.

В расчетное время летчики при лунном свете опознали село Гута-Кжешовска, а недалеко от него увидели и партизанский сигнал: костры, выложенные конвертом. Их ждали. Летчики помигали бортовыми огнями, земля ответила условным паролем: две зеленые ракеты настильно прочертили темноту.

Прежде чем выбросить груз, пилот включил фары и низко прошел над посадочной площадкой. Он увидел поле колосистой ржи, но ни следов посадки самолета, ни его самого не было. Прошел также вторично и опять ничего не увидел. Понял: напарник еще не прилетел. Возможно, его сбили. Что делать? Выбросить груз и улететь? А если напарник все-таки прилетит, тогда вряд ли он благополучно сядет на поле, изрытое стодвадцатикилограммовыми тюками. И потом, как же раненые? Они ждут помощи... Решил садиться!

Самолет плавно коснулся земли и, словно фантастическая рыба, заскользил в ржаном море. Павлов выключил фары, но партизаны не подходили. Снова включил их и увидел вдалеке какие-то фигуры, сразу припавшие к земле. Тогда он отрулил самолет так, чтобы сразу можно было взлететь, экипажу приказал взять автоматы и открыть грузовую дверь. В свете фар он увидел идущих по пояс во ржи польских партизан в четырехугольных форменных фуражках-конфедератках, какие носили тогда в польской армии.

Владимира Павлова крепко обнял командир польско-советского партизанского отряда Миколай Куницкий. Он был в немецком офицерском кожаном пальто, казацкой кубанке, а в руке все еще держал двуствольную ракетницу, которой подавал сигналы самолету.

— С опаской к вам подходили, — объяснил он поведение партизан, — сомневались, свои ли.

К общей радости, появился второй транспортный самолет —

прилетел напарник Павлова. На маршруте он несколько раз попал под зенитный обстрел, обходил опасные места и задержался. Прибывший самолет разгрузили первым. Он забрал раненых и улетел. Павлова попросили немного подождать, привезут еще тяжело раненных поляков из дальнего лагеря.

Партизаны стали вытаскивать из самолета тяжелые тюки. К кострам из темноты вышли четверо в форме английских летчиков. Двое были в советских пилотках, двое — в польских конфедератках.

— Наши союзники, — указав на них, сказал Куницкий, — их самолет сбили над Польшей. Они выбросились на парашютах и пришли к нам в отряд. Сначала двое, а через день еще двое. Мне приказано их самолетом отправить в Советский Союз, так что возьмите на борт.

Один из англичан шагнул к Павлову, приложил руку к советской пилотке и по-русски представился:

— Лейтенант королевских военно-воздушных сил пилот Томас Стоури! — Потом назвал своих товарищей: — Сержанты королевских военно-воздушных сил — бортмеханик Чарльз Кин, пулеметчики Патрик Стрэдлинг и Джеймс Хьюз. — И уже неофициально добавил: — просились мы воевать с партизанами, командир не разрешил, не доверяет.

— Зачем так! — возразил Куницкий. — Просто высокое начальство категорически запретило брать вас на боевое задание. Вы еще навоюетесь в своей королевской авиации. А доверяем-то полностью, вы теперь проверенные.

И рассказал: когда англичане пришли в отряд, мы, честно говоря, сомневались, может, они переодетые немцы. Наша героическая радистка, русская девушка Дуся, ее к нам сбросили на парашюте, сообщила об англичанах в Москву. Оттуда дали знать в Лондон. Но там тоже хотели удостовериться — их ли это люди. Лондон попросил советское командование запросить у сбитых летчиков: как зовут командира их эскадрильи. И лейтенант Стоури под общий хохот товарищей продиктовал Дусе ответ: «Передайте привет Кудрявому!»

— Понимаете, — пояснил Стоури, — командир нашей эскадрильи представительный, красивый парень, но совершенно лысый. Все летчики зовут его в шутку, конечно, за глаза, кудрявым. После нашего ответа в Лондоне сразу убедились, что мы — это мы.

А небо на востоке тем временем посветлело. Сильнее стал запах костров и близкого леса. Посвежело, выпала роса. Наконец послышались скрип повозок и фырканье лошадей. Привезли двадцать тяжело раненных польских партизан. Кроме них, на борт следовало взять англичан. Павлов подумал, что взлет по ржаному полю, на краю которого стеной стоял основной бор, будет на перегруженной машине сложным. А тут привезли еще четверых.

— Этих взять не могу, — запротестовал Павлов.

— Они у нас умрут,— просто ответил Куницкий.

— Ладно, грузите, только побыстрее.

Грунт был мягкий. Самолет тяжело шел на взлет. Скорость разбега возрастала медленно, а основной бор — граница ржаного поля грозно надвигался. Летчик прекратил взлет. Отрулил назад и снова, по проделанной колее, начал разбег, и... опять неудача. Вернулся, приготовился взлететь, но бортмеханик Александр Князьков остановил:

— Командир, температура масла в двигателях выше нормы!

Выключили моторы, стали искать неисправность. Оказалось, мокрые от росы колосья ржи забили соты масляных радиаторов. Пока их чистили, пока снова запускали двигатели, совсем рассвело. С третьей попытки Павлов взлетел и вовремя: к партизанской посадочной площадке, поблескивая в лучах восходящего солнца, подходили три «юнкера». Они чудом не заметили взлетающий транспортный самолет и стали яростно бомбить уже опустевшее ржаное поле.

День наступил солнечный, ясный. В синем небе ни тучки, ни облачка, за которым мог бы укрыться невооруженный транспортный самолет. Чтобы не стать легкой добычей «мессершмиттов», Павлов повел свой самолет бреющим полетом так низко, что едва не рубил винтами кусты, пробирался на восток лощинами, лесными просеками, далеко обходил населенные пункты.

Такой полет требовал ювелирной техники пилотирования, огромного напряжения, крайне осложнял ориентировку. Зато рыскающим в небе «мессерам» непросто было опознать на фоне земли транспортный самолет, а если и опознают, то атаковать смогут только сверху и огонь открывать с дальних дистанций, чтобы при выходе из атаки не врезаться в землю.

К линии фронта подошли незамеченными. С малой высоты Павлов хорошо видел немецких солдат. На этом участке фронта было затишье. И они, выйдя из окопов, спокойно умывались без рубашек, грелись на солнышке. Услышав внезапно над головой рев авиационных моторов, испугавшись бомбежки и обстрела, немцы в панике бросились врассыпную, прыгали в окопы, кидались ничком на землю. По самолету не стреляли, и только когда он уже был далеко, в угон дал очередь крупнокалиберный пулемет. Еще через час уже спокойного полета над своей территорией Владимир Павлов приземлился на родном аэродроме.

* * *

Из донесения командира польско советского партизанского отряда Миколая Куницкого:

«...На 7.VI.1944 года в отряде числилось 248 бойцов. В ночь 6.VI.

на 7.VI получили от советских летчиков оружие, боеприпасы и стали выходить из окружения. После тяжелых боев отряд 14.VI.1944 года вышел из окружения и полностью оторвался от противника».

В НЕБЕСАХ МЫ СРАЖАЛИСЬ ОДНИХ

У бывшего летчика дальней авиации, ветерана Великой Отечественной войны Николая Игнатьевича Слепова сохранилась любительская, выцветшая от времени фотография. На ней он, молодой капитан, стоит, обнявшись с чехословацким летчиком. На обороте фотографии написано: «Я и капитан Франтишек Ремек, Словакия, партизанский аэродром Зольна. 1944 год».

...Осень 1944 года, когда советские войска подошли к Карпатам, в Словакии вспыхнуло национальное восстание против немецко-фашистских оккупантов. Советское командование стало оказывать восставшим всю возможную помощь. Военные самолеты доставляли оружие, боеприпасы, медикаменты, а обратными рейсами вывозили раненых. В этих полетах участвовал и 31-й гвардейский полк дальней авиации, в котором Слепов командовал эскадрилей. Летали ночью на партизанский аэродром в районе города Зволена, который на летных картах значился под названием «Три дуба». Полеты были сложные, опасные, требовали от экипажей большого мастерства, смелости и хладнокровия.

Обычно каждый полет планировался с таким расчетом, чтобы летчик успел выполнить задание под покровом темноты. Однако в тот раз у Слепова это не получилось. Он должен был доставить словацким партизанам мощную радиостанцию, а на маршруте к аэродрому «Три дуба» отказал один мотор. Пришлось возвращаться. Пока мотор чинили, прошло полночи.

Слепов едва пересек линию фронта, как восток посветлел, звезды стали меркнуть. Наступил рассвет, а гитлеровская авиация не дремала. Едва подошли к району Зволена, как стрелок доложил: «Сзади, сверху «мессершмитт»!» И, не дожидаясь команды, открыл огонь из своего крупнокалиберного пулемета. Но немецкий летчик атаковал. К счастью, огненные трассы его пушечной очереди прошли мимо. «Мессершмитт» темной тенью проскочил вперед, с набором высоты развернулся и снова зашел на атаку. Для транспортного самолета она, вероятно, стала бы роковой. Но вдруг в последний момент «мессер» отвернул. Его самого яростно атаковал краснозвездный истребитель Ла-5. Слепов успел только заметить его номерной знак — белую тройку. Истребители закружились в воздушном бою, а транспортный самолет продолжал полет и благополучно приземлился на аэродроме «Три дуба». Слепов благодарил судьбу и недоумевал: откуда здесь взялся Ла-5?

Оказалось, что на соседний партизанский аэродром Зольна прилетел 1-й чехословацкий истребительный авиационный полк, созданный в СССР. Костяк его составляли летчики-чехи, прибывшие из Англии. В группе было тринадцать офицеров под командованием штабс-капитана Франтишека Файтла. К ним присоединились словацкие летчики, перелетевшие на советскую территорию.

Неожиданно Слепову чуть не на две недели пришлось задержаться у словацких партизан. Погода здесь стояла отличная, а за линией фронта наши аэродромы закрыл туман. Пользуясь свободным временем, Слепов поехал к чехословацким летчикам. Хотелось узнать, кто у них летает на белой тройке, познакомиться с парнем, который так вовремя пришел на помощь.

На аэродроме Зольна шла напряженная боевая работа. Полк сражался с превосходящими силами противника и при этом в сложных условиях полного вражеского окружения: все снабжение осуществлялось по воздуху. Технический состав и некоторые офицеры штаба были советскими военнослужащими. На вопросы Слепова они ответили, что на белой тройке летает заместитель командира эскадрильи капитан Франтишек Ремек. Сейчас он на задании: повел группу на прикрытие наземных войск. Но вот-вот должен вернуться.

Действительно, скоро над аэродромом появилась шестерка Ла-5. Последним сел Франтишек Ремек. Он был очень доволен, что хорошо выполнил задание и привел группу без потерь. Слепову сказал, что в тот раз, к сожалению, только повредил «мессершмитт». Погнаться, чтобы добыть, не мог: горючее кончалось. И так еле-еле до своего аэродрома дотянул. А боевой опыт получил в Англии. Там летал на «спитфайере», прикрывал Лондон. Сбил пять фашистских самолетов.

Чехословацкие летчики хотели непосредственно участвовать в боях за освобождение родины и потому покинули Англию. Добирались через Каир, Дамаск, Басру, Тегеран...

...Сначала сформировали отдельную эскадрилью, потом полк. Отработывали технику пилотирования, ведение воздушного боя на самолетах Ла-5. Всем хотелось скорее воевать. Когда началось Словацкое национальное восстание, полк направили на помощь восставшим. И вот впервые после оккупации Чехословакии летчики приземлились на родной земле и сражаются за нее.

Слепов рассказал о себе, рассказал, что много летал в тыл врага к советским и югославским партизанам. Раньше был гражданским летчиком, после войны снова станет возить пассажиров. Потом боевые друзья выпили за братство по оружию, за победу и сфотографировались на память.

Слепов еще несколько раз побывал у чехословацких летчиков. Воевали они героически. Летчик Хабера из эскадрильи, в которой служил Ремек, в одном воздушном бою сбил два «мессершмитта».

Второй — когда сам уже был ранен. Самоотверженно и мужественно трудились техники и механики. У них самолеты всегда были в боевой готовности. А это непросто, когда поблизости нет ремонтных мастерских, не хватает запасных частей.

Однажды Слепов видел, как раненный в бою летчик сумел довести самолет до своего аэродрома. Но при посадке поврежденная машина загорелась. Пилот потерял сознание. На помощь бросились техник эскадрильи и механик. Они вытащили летчика и едва успели отнести его в сторону, как самолет взорвался.

Наконец погода за линией фронта улучшилась, и Слепов разрешили вылет. В самолет погрузили раненых, и он уже хотел рулить на старт, как принесли еще одного. Посмотрел, а это Франтишек Ремек. Его машину подбила зенитка. Требовалась срочная операция. Так они встретились еще раз. Слепов благополучно доставил раненых на «большую землю», и Ремек сразу отправили на операционный стол. Прощаясь, он сказал своему русскому другу, что скоро вернется в свой замечательный полк и что они обязательно встретятся.

Капитан Слепов совершил еще несколько рейсов к словацким повстанцам. Он и его однополчане доставили на аэродром «Три дуба» 56 тонн оружия, боеприпасов, вывезли почти полторы сотни раненых чехов и словаков. Затем командование перебросило полк на другой фронт, и тем не менее слова Ремек сбылись...

Через несколько месяцев 31-й гвардейский стал действовать на 4-м Белорусском фронте. Прилетел Слепов на один из полевых аэродромов 8-й воздушной армии и увидел там чехословацких летчиков. Оказалось, здесь базируется истребительный полк 1-й чехословацкой авиадивизии. Спросил о Франтишке Ремек и узнал, что он командир эскадрильи. Так друзья встретились снова.

В НЕБЕ НАД ХАЛХИН-ГОЛОМ

Герой Советского Союза генерал-майор авиации в отставке Борис Александрович Смирнов — человек завидной военной судьбы. Блестящий летчик-истребитель, он принадлежит к тем советским людям, которые первыми насмерть схватились с фашизмом в Испании, потом сражались на Халхин-Голе и, наконец, в Великой Отечественной — до безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Показывая альбом памятных фотографий, Борис Александрович особо отметил монгольские.

— Почему? — спросил я.

— В сравнении с воздушными сражениями минувшей войны, — ответил он, — в которых с обеих сторон порой участвовали тысячи самолетов, сражения в Монголии кажутся незначительными по своим

масштабам. Но воздушные бои там были беспримерно ожесточенными, упорными, кровопролитными.

Попал я в Монголию неожиданно в тревожном 1939 году. Вдруг вызвали на совещание в Наркомат обороны. А там, оказывается, собрались только авиаторы — все имеющие боевой опыт. Нарком Ворошилов был краток. Он сказал, что одиннадцатого мая япономаньчжурские части нарушили государственную границу дружественной нам Монгольской Народной Республики. А японская авиация господствует в воздухе. Двадцать восьмого мая японские самолеты неожиданно атаковали два наших аэродрома, расположенных в глубоком тылу, и уничтожили часть стоявших на них самолетов. Взлететь успела лишь одна эскадрилья. После воздушного боя из этой эскадрильи вернулись только два самолета. Остальные были сбиты. Японцы потерь не имели.

Затем Ворошилов сказал, зачем вызваны в наркомат летчики, имеющие боевой опыт. Нам надлежит вместе с другими летчиками добиться коренного перелома в небе Монголии. И вскоре мы, сорок восемь бывалых авиаторов во главе с заместителем командующего Военно-Воздушными Силами Красной Армии, Героем Советского Союза комкором Я. В. Смушкевичем, полетели в Монголию.

Рассказываю о тех днях, и перед глазами встает бескрайняя степь, по которой гуляли миражи, несколько юрт, рассредоточенные закамуфлированные истребители, командный пункт, обозначенный повозкой с бочкой воды, покрытый брезентом, под повозкой — телефон... Жара, пыль и комары прямо таки неумолимой ярости. Они, как утверждали наши шутники, легко прокусывали кирзовые сапоги...

Пока японская авиация бездействовала, мы облетали район боевых действий. Летели вдоль Халхин-Гола. Здесь степь кончалась, начинались глубокие увалы, барханы, похожие на верблюжьи горбы, ярко зеленая низина, по которой вилась небольшая речка Хайластын-Гол, приток Халхин-Гола.

В общем, этот край Монголии был самой глухой частью страны и самой отдаленной от ее жизненных центров да и от наших тоже. До ближайшей железнодорожной станции 700 километров. Однако, захватив его, японцы получали отличный плацдарм для овладения Монголией.

Нашу московскую группу летчиков распределили по авиационным частям. Пока на фронте было затишье, мы, тренируя молодежь, без усталости проводили с ней учебные воздушные бои. Делали это, не жалея сил. Самыми неутомимыми учителями были Кравченко, Лакеев, Николаев, Викторов, Коробков... Тренировки шли на пользу, и вскоре уже нам пришлось с молодыми не зевать, а то и зажмут.

И вот в один из таких тренировочных дней — вылет по боевой тревоге. Немного в стороне от озера Буир-Нур в воздухе крутился клубок из сотни самолетов, прошитый пулеметными трассами. В этой

толчее нельзя было понять, на чьей стороне перевес. Наши авиационные подразделения, взлетевшие с ближайших к границе аэродромов, сражались уже минут пятнадцать.

Я подал команду приготовиться к бою. Коробков, Николаев, Герасимов разомкнули свои звенья, и тут же рядом оказался противник. Японские летчики охотно принимали бой на ближних дистанциях. Они обладали хорошей техникой пилотирования, а японские истребители — хорошей маневренностью. Японцы все наращивали силы, и плотность боя порой достигала предельно возможной. Тут были и крайне опасные атаки противника, почти в упор, и легко было просто столкнуться с другим самолетом.

В самой гуще боя чей-то летчик — не то наш, не то японский — повис под парашютом, за ним другой, третий. Сбитые самолеты нарушали темп боя. Одни в воздухе разламывались на куски, другие круто шли к земле, оставляя за собой траурный шлейф дыма. Наконец бой стал затихать: и у нас и у японцев на исходе оказалось горючее, израсходованы боеприпасы. Клубок самолетов стал распадаться.

— Ну, для вас-то это был не первый бой, за плечами испанский опыт.

— Да, представьте, я и сам полагал, что воздушные бои в Монголии будут такими же, как в Испании. И жестоко ошибся: другие условия, другой противник. Сразу стало ясно: японские летчики пилотируют лучше итальянских и дерутся гораздо напористее немецких. Да и такого количества самолетов, участвующих в одном бою, видеть не приходилось. Судите сами: со стороны советско-монгольских войск дралось 95 истребителей, а со стороны японцев — 120. А количество сбитых — сорок два! Из них двенадцать наших. Тактические приемы японских летчиков были разнообразны и часто неожиданны. Одиночные же бои с ними обычно превращались в бескомпромиссные дуэли, в которых один из противников обязательно бывал сбит.

Запомнился такой случай. В очередной воздушной «свалке» я заметил, как кто-то из наших летчиков зажал японца и погнал его к земле в крутом пикировании. Я был убежден, что японцу конец. Самолеты исчезли у меня из поля зрения. А через минуту черный дым обозначил место гибели самурая. Японский самолет упал возле озера.

После полета, докладывая в штаб о результатах боя, я сообщил и об упавшем возле озера японце. А вечером Смущкевич вызвал меня к себе. Помнится, тогда у него находились начальник штаба авиагруппы на Халхин-Голе комбриг Устинов, полковники Гусев и Кравченко, майоры Грицевец и Забалуев и полковой комиссар Чернышов. Мне предложили показать на карте место, где упал японский самолет, о котором я доложил. Я показал, и оказалось, что погиб-то не японский летчик, а наш, кажется, из полка Забалуева.

Точно так же погибли в этот день и два летчика из полка

Кравченко. А полковник Лакеев подтвердил с командного пункта, что еще один самолет И-16 врезался в землю недалеко от горы Баян-Цаган. И тогда все пришли к единому выводу: некоторые наши летчики неуверенно пилотируют на малых высотах, однако при каких обстоятельствах они погибли — предстояло выяснить.

И такой случай мне представился. Это произошло в воздушном бою над устьем речки Хайластын-Гол. Японцы облепили нашу эскадрилью со всех сторон. Возможность перевести дух дала эскадрилья Жердева, которую тогда привел комиссар Александр Матвеев. Что было потом, увидеть не успел. Прямо на меня, как говорят, в лоб, пошел японец. Мы разошлись, не открывая огня. В таких случаях для повторной атаки применим только один маневр — разворот на сто восемьдесят градусов с минимальной затратой времени и максимальным набором высоты. Я полагал, что японец это и будет делать — кто из нас лучше выполнит маневр, тот и победит.

Однако я еще не закончил разворота, а рядом уже протянулись пулеметные трассы. Подумал, что за хвостом еще один японец. Оглянулся и диву дался: японский самолет, с которым мы разошлись на встречных курсах, «лежал на спине» и вел огонь из положения вверх колесами. Рисковал он обоснованно: едва меня не сбил, но теперь, как говорится, верх был мой. Японец потерял скорость и высоту. Чтобы оторваться, он перевел самолет в отвесное пикирование с полными оборотами мотора. Преследуя его, я сделал то же.

Наши самолеты с огромной скоростью мчались к земле. И на земле сосредоточилось все мое внимание, поймать в прицел японца не было никакой возможности. Дальше пикировать было уже не просто опасно, а смертельно опасно. Я уменьшаю угол пикирования и чуть отворачиваю в сторону, чтобы не потерять из вида противника. А японский летчик медлит, словно играет со смертью. И только у самой земли он ловко выхватил машину и перевел ее в горизонтальный полет. А если бы я еще две-три секунды продолжал преследование, то быть бы мне в земле: наш ИЛ-16 был тяжелее японского истребителя. Но тот японец от меня не ушел.

— А сколько вы лично сбивали самолетов на Халхин-Голе?

— Видите ли, у нашей эскадрильи была еще «испанская» традиция. Там вместе сражались летчики разных национальностей, и было принято не вести счет персонально сбитым самолетам, а все победы считать общими.

— Как действовала монгольская авиация?

— Мы стояли на разных аэродромах. Но я знаю, монгольские летчики воевали хорошо, смело. Они летали ночью и точно бомбили позиции противника. А на земле... В сражении за Баян-Цаган большое мужество проявили цырики Восьмой монгольской кавалерийской дивизии. Нам с воздуха хорошо было видно, как они наносили

рейдовые удары во фланг противника. Наши танкисты с большим трудом преодолевали глубокие увалы и песчаные барханы. Контрнаступление советско-монгольских войск закончилось разгромом японцев. Они бросили боевую технику, а остатки своих солдат вынуждены были отвести на исходные рубежи.

— А с японскими летчиками-смертниками — «камикадзе» — вам приходилось встречаться в воздухе?

— Да. Двадцать третьего августа советско-монгольские войска полностью окружили противника и начали его разгром. Воздушные бои были ожесточенные. Только за первые три дня нашего наступления японцы потеряли в воздушных боях семьдесят четыре самолета. Были потери и у нас. Погиб мой самый близкий друг Виктор Рахов, летчик-испытатель, отличный истребитель Алексей Тамара...

К утру 31 августа территория МНР была полностью очищена от японских оккупантов. Но бои в воздухе продолжались. Вот тогда-то мы и встретились с «камикадзе». Появились японские летчики, атаки которых явно были рассчитаны на столкновение. Мы стали осторожнее и тех японцев, которые шли на таран, старались сбивать в первую очередь. И это удавалось, так как «камикадзе» оказались не сильными пилотажниками.

Вскоре по предложению японцев начались переговоры о заключении мира. Многим летчикам из московской группы, в том числе и мне, было приказано вернуться в столицу. Память о кровавых боях в небе над Халхин-Голом, о товарищах, сложивших там свои головы, я храню всю жизнь.

КОСМОНАВТ-3

На распутье

Половину низенькой хаты занимает русская печь. Вдоль стен — скамейки, в углу — стол. Справа от входа — деревянная кровать, покрытая стареньким одеялом. Над кроватью календарь: сентябрь 1944 года. Два оконца выходят на улицу с наезженными колесами и высоким журавлем колодца. Это чувашская деревня Шоршелы, в переводе Чистый ключ. А в хате живет семья колхозницы Анны Алексеевны Николаевой.

Хозяйка топит печь. Пламя отбрасывает алые блики, и лицо женщины кажется суровым. Анна Алексеевна налила в котел воды, поправила на голове сбившийся платок, повернулась к сыну:

— Хочешь стать человеком, Андриян,— учиись! Не бойся труда и о нас не тужи: проживем!

— Хорошо, мама.

Андрияну пятнадцать лет. Он окончил семилетку в Шоршелах

и поступил в лесотехнический техникум в районном центре — Мариинском посаде. И вот, проучившись всего один день, пришел домой. Решил бросить учение, не посоветовавшись ни со старшим братом Иваном, который занимается на третьем курсе в том же техникуме, ни с матерью.

Андрян сидит на своем обычном месте возле окна. В хате все так знакомо: и щели в полу и металлическое кольцо, ввернутое в потолок. К кольцу когда-то подвешивали люльку. В ней качали Ивана, потом его самого, потом сестренку Зину и самого младшего брата, Петю.

Андрян думает: ну, конечно же, он прав, что ушел из техникума. Война ведь идет, жизнь тяжелая. Ивану надо дать доучиться — уж самому ему осталось, — а самому на работу поступить. Карточка рабочая будет, и денег в семье прибавится. Отец недавно умер. Последние годы он тяжело болел. Большую семью одна мать тянула — совсем извелась, все лицо в морщинах. Но мать не жаловалась, об одном мечтала: чтоб дети образование получили. Сама-то она только при Советской власти грамоте выучилась.

Андрян выходит на улицу. Еще по-летнему тепло, но зелень берез уже пестрит кое-где желтыми косицами.

Возле правления колхоза Андрян встретил своего дядю Петра Афанасьевича Громова. Он уже отвоевал: под Москвой разрывная пуля раздробила бедро. Теперь Громов ходит с палочкой, заметно хромает, а дела ему приходится вершить немалые: председатель колхоза. Мужчин ведь в деревне не осталось, все на фронте.

— Что, студент, вернулся? — спрашивает он племянника.

— Да так, дело есть, — уклончиво отвечает Андрян. Он очень привязан к дяде. С детства ходил с ним на охоту, рыбу ловил, но сейчас хочется побыть одному, собраться как следует с мыслями. Андрян выходит на крутой косогор к школе. С этого косогора учитель физики Иван Михайлович Романов запускал с ребятами авиамодели. Андрян начал заниматься у него в шестом классе и на первых порах не понравился учителю. Мальчик не шалил, не шумел, сидел спокойно, слишком уж спокойно. И казалось, что все происходящее на уроке вовсе его не трогает и он то ли думает о чем-то своем, то ли дремлет с открытыми глазами.

— Николаев Андрян, — вызвал учитель. — Повтори-ка, что я рассказал.

Мальчик без запинки слово в слово повторил все.

Учитель задумчиво потер подбородок: следовало, конечно, поставить «отлично», но, может быть, это случайно? И ставит четверку.

Андрян один только раз получил по физике четверку. А потом в табеле у него были отличные оценки. Учитель вскоре убедился, что мальчишка с черными, словно тушью наведенными бровями обладает удивительной способностью: он может одновременно слушать урок и наблюдать за классом, а иногда и шалить.

Андрян был сильным пареньком. Однако учитель не помнил случая, чтобы он первым начал драку. Как-то Иван Михайлович из окна увидел, как Николаев заступился за девочку, которую обидел взрослый парень. Андрян ловкой подножкой сбросил парня в глубокий канаву и уж не дал выбраться оттуда, встречая сильными тумаками.

Всегда спокойный, даже медлительный с виду, Андрян обретал в действии какую-то взрывчатую силу и быстроту.

Однажды весной весь класс вместе с учителем отправился на реку Цивиль, протекающую возле деревни. Река едва очистилась ото льда и желто-мутная, с пенистыми воронками широко разлилась в весеннем паводке.

Андрян неосторожно стал на край обрывистого берега. Внезапно земля под его ногами обвалилась, и мальчик полетел в ледяную воду. Место было глубокое, а течение с силой увлекало парня к середине реки. Вынырнув, он оказался уже далеко от берега.

— Плыи сюда! — кричали ему товарищи.

Но Андрян не послушался. Он сумел сохранить присутствие духа, трезво оценить обстановку. Плыть к берегу почти против течения не хватило бы сил, и потому был выбран дальний, казалось, более опасный, путь: наискосок к желтой песчаной косе. Расчет оказался верным. Выйдя на берег, Андрян отжал одежду и побежал домой переодеться.

...От школы по утопанной тропинке он идет к своему любимому месту на реке, к Большому омуту. Берега тут густо заросли ивняком, а над холодной, словно отлитой из вороненой стали водой толчется мошкара. Андрян садится на бережку, срывает травинку, закусывает ее. И все думает: «А ведь мать права была. Учиться надо. Ведь можно и по-другому семье помогать — подрабатывать в свободное время».

«А ты, студент, характер имеешь»

— Николаев, вставай, светает! — будит его сторож студенческого общежития.

Андрян просыпается сразу, сбрасывает одеяло и тихо, чтоб не разбудить товарищей, идет в душ.

Для Николаева наступила третья студенческая весна. Он возмужал, стал плечистым, гибким, мускулистым юношей. И усы уже заметны «без оптических приборов», шутит брат Иван. Худошав только очень. Что ж поделать, живется туговато. Досыта ест редко. Всю неделю, как и Иван, экономит паек, получаемый по карточке, а в субботу несет продукты матери.

Родным Николаева сейчас тяжело как никогда. Мать заболела, и деньги нужны до зарезу. Ивану через неделю диплом защищать, а у Андрияна — зачетная сессия. Но все же он сумел выкроить

несколько дней, чтоб хоть немного подработать. Вчера баржа пришла, и Андриян договорился с грузчиками: обещали на подмогу взять.

Правда, грузчики — все мужики дюжие, в линиях гимнастерках и сапогах, видать, бывшие фронтовики — встретили Андрияна не очень-то приветливо. А бригадир, которого по солдатской привычке называли Спиридонычем или старшиной, спросил:

— Постоянной-то работы почему не имеешь? Птаха перелетная, что ли?

— Студент я. Вон, видите, на горе техникум, в нем учусь.

— Ну, коли студент,— добрее старшина,— приходи завтра с рассветом. У нас делов-то на три дня. Только,— он критически разглядывает Андрияна,— с пупа не сдернешь? Тюки-то у нас по осьми пудов.

— И не такие носили! — солидно отвечает Николаев.

Положим, он тогда прихвастнул, но работа его действительно не страшит. «Другие могут, и я смогу», — думает он, быстро шагая по улице еще спящего города.

Два дюжих молодца кладут грузчикам на спину тюки, и те с шутками, словно играючи, несут их по скрипящим сходням на берег. Подошла очередь Андрияна, и он смело подставил спину.

— Клади без рывка, с бережением,— командует Спиридоныч и беззлобно шутит: — Смотри там, не придави науку.

Хотя кипу и кладут «с бережением», но Андрияну кажется, что спина у него сейчас треснет. Ан нет, выдержал! А вот шагнуть боится: страшно перенести на одну ногу такую тяжесть.

— Шагай, шагай,— подбадривает Спиридоныч.— Ноги, они сильные: выдержат.

И, к своему удивлению, Андриян действительно переставляет ноги, действительно идет, но ступает осторожно, словно босиком по битому стеклу. А когда сбрасывает ношу, кажется, что вот-вот поднимется в воздух: так легко становится. Вторую кипу он несет уже увереннее, даже отвечает на шутки грузчиков. Однако скоро пот заливает глаза, ноги деревенеют. Наконец, Спиридоныч зычно командует: «Шабаш!» — и Андриян со всхлипом переводит дух.

После перерыва работа становится еще тяжелей. Студент с трудом поспевает за грузчиками. Его начинает покачивать, и когда он думает, что может упасть, слышится голос бригадира:

— А ну, студент, пойдй пересчитай кипы на берегу. Я обычно сам это делаю, а уж сегодня ты займись, чтоб знания зря не пропадали. Андриян с благодарностью берет у Спиридоныча тетрадь.

А на другой день он едва встает: болит все тело от пятки до затылка. Одеваясь, он невольно стонет.

— Плохо себя чувствуешь? — спрашивает проснувшийся однокурсник.

— Это неважно. «Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат», — отвечает Андриян стихами любимого поэта.

Но стихи стихами, а вот как он сегодня будет таскать восьмипудовые кипы? От одной этой мысли мурашки бегут по спине. «Должен выдержать!» — убеждает себя Андриян и спешит на баржу.

— Молодец, а ведь я думал — сбежишь! — встречает его бригадир. — Перетерпи еще немного, а там легче будет.

Однако «перетерпеть» оказалось трудно. Андриян вымеривает расстояние и считает: пять шагов, еще пять, еще, теперь уже недалеко... Так и работает до перерыва.

А после обеда, странное дело, ему словно полегче стало, правда, он по-прежнему считает шаги, но теперь уже знает, что выдержит.

Когда баржу разгрузили, бригадир отдал Андрияну заработанные деньги и дружески хлопнул по плечу:

— А ты, студент, из крепкого материала сработан. И характер имеешь.

...Незаметно подошла пора расставаться с техникумом. Молодой специалист Андриян Николаев получил назначение в Карелию. Здесь нет волжских просторов и светлых дубрав, зато леса великолепные.

Андрияну нравятся новые места, да и работа увлекает. Он решил поступить на заочное отделение лесотехнической академии. И, чтоб не откладывать решения в долгий ящик, начал заниматься в свободное время.

Однако жизнь распорядилась по-своему. Николаева призвали на военную службу, и военком, посмотрев его документы, спросил:

— Летать хочешь? Может, поедешь на курсы воздушных стрелков-радиистов?

Хочет ли он летать? Пожалуй, лучше работать в лесу. Об авиации он просто и не думал. Правда, перед войной в Шоршелы приезжал летчик, брат Петра Афанасьевича, дяди Андрияна. Носил красивую форму с серебряными крылышками на рукаве и небрежно называл их «курицей». Андриян любил слушать его рассказы, вместе со всеми мальчишками ходил следом за ним по улице и мечтал стать авиатором. Но летчик уехал, и это увлечение скоро прошло...

— Что ж, буду летать, раз надо, — ответил Андриян.

Двадцать первый приземлился...

Авиационный гарнизон расположен на окраине старинного русского города. Здесь уже четвертый год служит летчик-истребитель Андриян Николаев.

Дни, заполненные полетами, словно и сами летят. Их стремительное движение Андриян замечает по явлениям природы, которая близка летчику, как и крестьянину. Грозы, дожди, туманы всегда затрудняют полеты. И сейчас все чаще приходится подниматься в воздух в ненастье. Клены в роще, над которой Андриян при посадке

делает четвертый разворот, стоят красные, словно пылающие факелы,— пришла осень.

...Жухлая трава аэродрома поседела от инея, хотя утро ясное, солнечное. Андриян вырывается на старт и ждет команды.

— Двадцать первый, разрешаю взлет! — слышит он в наушниках голос подполковника Николая Ивановича Федотова — руководителя полетов.

Андриян поднимается в воздух и идет в зону для высшего пилотажа. Разогнав машину, выполняет «петлю Нестерова». Потом делает крутую «горку». Вдруг он почувствовал: что-то произошло. Что именно, он еще не может определить, но всем существом ощущает: надвинулась опасность. Меняется ровный мощный гул двигателя, а через мгновение стрелка прибора, показывающая обороты турбины, быстро движется назад. Истребитель теряет скорость, «сыплется» на хвост и переходит в штопор.

Действуя пока чисто интуитивно, Андриян отдает ручку управления от себя, машина делает полвитка и выходит в горизонтальный полет. Теперь-то уже летчику ясно, что произошло. Он пытается запустить двигатель, но ничего не выходит. Сообщает о случившемся на командный пункт и сразу слышит голос подполковника Федотова:

— Двадцать первый, спокойно иди на свой аэродром! Высота достаточная. Слушай команды, все будет нормально.

Федотов, бывший фронтовик, отличный летчик-истребитель, хорошо понимает состояние Андрияна. В скупое отсчитанные секунды он должен спасти и себя и машину, а ведь что с самолетом — неизвестно. В эти секунды для летчика так важна помощь «земли»...

Судьбой Андрияна озабочены и его товарищи: летчики, находящиеся в воздухе, слышат тревожный разворот. Они прекращают упражнение и на максимальной скорости идут к аэродрому. Этого, конечно, нельзя делать, но ведь их товарищ попал в беду. Помочь они ему не могут, а все-таки...

Истребитель для парящего полета не приспособлен, и Андриян пилотирует очень четко, стараясь экономно расходовать высоту. Он уже ясно видит посадочную полосу и по команде с земли выпускает шасси. Теперь остается сделать разворот — и посадка обеспечена.

Летчик пытается развернуть самолет, но рули поворота словно заклинило. Андриян нажимает изо всех сил. От напряжения у него плывут перед глазами красные пятна, а ручка управления все не трогается с места. Положение становится крайне опасным. Садиться вне аэродрома, да к тому же с выпущенными шасси, на этих самолетах нельзя. А что же делать?! Воспользоваться парашютом? Мала высота.

Андриян слышит вопросы Федотова: что произошло? Но на ответ уже нет времени. Да и выбора ему не дано — нужно садиться прямо здесь.

Из-за приборной доски выползает кудрявая струйка дыма. Неужели пожар? Этого еще не доставало! Под самым крылом мелькают огненные клены знакомой рощи. За ними какие-то сараи, крутой косогор. А затем — вот счастье! — узкая, но ровная полоса луга. Эх, — черт побери! — поперек нее желтый овраг.

...Самолет ударился о землю перед самым оврагом, перепрыгнул через него и быстро покатился по ровному полю. «Отлично, — думает Андриян, — а как же пожар? Только б не взорваться до остановки». Наконец, машина останавливается, летчик сбрасывает фонарь, выскакивает из кабины и бежит от самолета.

Остановился, снял шлем, вытер влажное лицо. И услышал прямо над собой гул самолетов. Ва! Да над местом посадки весь полк. Андриян машет товарищам рукой. «А как теперь сообщить на командный пункт?» Но подполковник Федотов и так все знает. Летчики с воздуха наблюдали за Николаевым. Старший лейтенант Зайцев, товарищ Андрияна по летной школе, передавал по радио:

— Двадцать первый приземляется... перескакивает овраг... бежит по лугу. Остановился. Летчик выскакивает из самолета. Стоит... не падает.

И тогда Федотов, облегченно вздохнув, тоже оттирает ладонью вспотевшее лицо. Потом сурово командует:

— Продолжайте полеты по заданию.

Земля — Восток

Однажды после полетов Андриян Николаев получил приказание явиться в штаб. Здесь его встретили незнакомый полковник и два военных врача.

— Вам нравится служба в истребительной авиации? — спросил полковник.

— Нравится.

— А летать на больших скоростях и высотах хотели бы?

— Конечно! На опытных самолетах?

— Не совсем так.

Полковник вынул портсигар, предложил папиросу Андрияну и закурил сам.

— Речь идет о полетах на кораблях-спутниках. Скорость — пятнадцать — двадцать тысяч километров в час, ну и высота что-нибудь порядка трехсот километров.

Андриян глотнул дым, закашлялся.

Летчики, конечно, поговаривали о полете человека в космическое

пространство, но никто из них всерьез не думал, что все это может произойти так скоро.

— Кандидатов для такого полета,— продолжал полковник,— мы отбираем из летчиков-истребителей, конечно, из тех, кто этого пожелает. Отбор будет очень строгий.

— Возьмите меня,— поспешно говорит Николаев.

Вечером Андриян долго не ложился. Ходил по комнате, вспоминал сегодняшний разговор. Полет к другим мирам...

...Среди мачтовых сосен, в бору, стоят дома и учебные корпуса. Здесь же теннисные корты, баскетбольная площадка, гимнастический городок. Это учебная база будущих космонавтов.

Ранним утром Андриян идет по песчаной дорожке, на которую деревья отбрасывают косые, длинные тени. До начала занятий время еще есть, и он не торопится. Хочется побыть наедине с самим собой: наконец-то стало известно — он будет космонавтом-3.

Позади остались долгие дни учения, кропотливой тренировки. Предстоит последнее занятие.

...Николаев, одетый в скафандр, легко поднимается по металлической лестнице в кабину специального аппарата, представляющую собой макет кабины космического корабля. В соседней комнате — руководитель тренировки. Сложное оборудование позволяет видеть каждое движение космонавтов в кабине и по желанию ставить его в различные условия, которые могут возникнуть в настоящем полете.

— Земля... Я — Восток! Все системы работают нормально. Самочувствие отличное, к старту готов,— докладывает он.

— Я — Земля,— отвечает руководитель тренировки.— Вас понял, приготовиться к старту. Внимание! Старт!

Аппарат дает возможность почти полностью имитировать условия космического полета. Мощный гул ракетных двигателей заполняет помещение. Корабль «отрывается» от стартовой площадки. И вот шум двигателей стихает. В кабине тишина. Ясно слышны ставшие привычными звуки: сухое щелканье реле, ровное гудение трансформаторов и счетно-решающей машины, которая дает программу «космического полета».

Руководитель требует от Николаева определить местонахождение.

— Пролетаю над Атлантическим океаном,— докладывает космонавт.

Новая команда: произвести ручную ориентацию корабля. Андриян уже выполнял это десятки раз и теперь действует так же уверенно, как, бывало, в кабине своего истребителя. Послушный его воле «корабль» медленно разворачивается иллюминатором в сторону Земли. Сначала Николаев видит, как в иллюминаторе показывается краешек родной «планеты». Он растет, увеличивается и закрывает весь иллюминатор.

Маневр выполнен, но тренировка продолжается. Руководитель создает для космонавта различные аварийные ситуации. Преодолевая их, Николаев действует очень быстро и четко.

...Вот уже последний виток вокруг «Земли». Начинается подготовка к «спуску». Как и в настоящем полете, космонавт закрепляет на свои места все съемные инструменты. Снова раздается мощный рокот — включились тормозные двигатели. Корабль «спустился» с орбиты и вошел в плотные слои атмосферы. Андриян вспоминает, как рассказывал ему об этом Герман Титов: пламя бушевало вокруг корабля, а стекла иллюминаторов, раскаляясь, меняли свой цвет. Все это ему, Андрияну Николаеву, еще предстоит увидеть. А сейчас последний тренировочный полет окончен: космонавт-3 к настоящему полету в космос готов!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Антоний и Клеопатра	3
Первая любовь	8
Тормозные колодки	15
Подарок Деда Мороза	20
«А я останусь вечно молод...»	25
Вылет на закате	28
В небесах мы сражались одних	33
В небе над Халхин-Голом	35
Космонавт-3	39

Алексей Николаевич ГОЛИКОВ

ПОДАРОК ДЕДА МОРОЗА

Редактор Д. К. Иванов.

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова.

Сдано в набор 08.07.85. Подписано к печати 22.08.85.
А 00386. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура
«Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд.
л. 3,03. Тираж 85 000 экз. Изд. № 2172 Зак. № 1147
Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

СТРАХОВАНИЕ К БРАКОСОЧЕТАНИЮ

● Родители и другие близкие родственники ребенка могут сделать определенные денежные накопления к такому важному и торжественному событию в жизни юноши или девушки, как вступление в брак.

● Для этого необходимо заключить договор страхования к бракосочетанию.

● Предусмотренная договором страховая сумма будет выплачена застрахованным юноше или девушке при вступлении в зарегистрированный брак (или по достижении ими 25-летнего возраста). Размер страховой суммы устанавливается по согласованию между страхователем и инспекцией Госстраха, но не может быть менее 300 рублей.

● Возраст ребенка на день заключения договора не должен превышать 15 лет.

Уважаемые товарищи!

● Для заключения договора обращайтесь, пожалуйста, к страховому агенту, который обслуживает вас по месту жительства или по месту вашей работы, либо в инспекцию Госстраха.

ГОССТРАХ РСФСР